КРОКОДИЛ

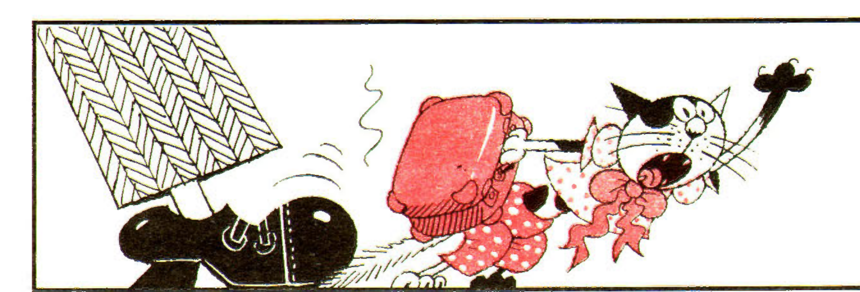
ISSN 0130-2671

№ 18 ИЮНЬ 1989

ДЕМОКРАТИЯ ДЕМОКРАТИЕЙ, НО ВЕДЬ ТАК МОЖНО И ОТ ГОЛОДА СДОХНУТЬ!

ДЕМОКРАТИЯ

Г. ОГОРОДНИКОВ, В. МОХОВ (тема).

Как кошки Куклачева попали в невыездные

Стр. 10.

КРОКОДИЛ

№ 18 (2640)
июнь 1989

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Сдано в набор 19.05.89.
Подписано к печати 26.05.89.
А 00299.
Формат бумаги 70×108⅛.
Бумага офсетная.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,80.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 200 000 экз.
(1-й завод: 1 — 2 600 079).
Зак. № 708.
Цена 30 коп.

НАШ АДРЕС: 101455, ГСП-4, Москва, Бумажный проезд, д. 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
экономики — 250-46-68,
морали и права — 250-16-63,
литературы — 250-09-70,
писем — 212-13-93,
международного — 250-45-78,
художественного — 212-30-00.
Приемная — 250-10-86.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКОГО ПИСЬМА

НЕ «ДЕЛАТЬ ДЕНЬГИ», А ЗАРАБАТЫВАТЬ

Уважаемая Л. Хурда!

Прочитала я Ваше письмо в «Крокодиле» № 3. Ох, как же не дают нам покоя чужие доходы, как же мы любим считать чужие деньги! Мы будем кричать о «бешеных» доходах кооператоров вместо того, чтобы нам самим задуматься: а что лично мы можем сделать, где можем заработать деньги, чтобы прокормить наших детей? У нас с мужем двое, четыре года я не работаю, так как возможности отдать детей в детский сад нет. Хотелось иметь третьего, но поняли, что материально пока не тянем. Как же Вы планировали бюджет своей семьи?.. Вы пишете: «рабочего зажали», «мы работяги»... Какие же вы работяги? Имея семью из семи человек, зарабатывать 250 руб.? Мне было бы стыдно в этом признаться. Настоящие работяги не будут сидеть и плакаться о маленькой зарплате, а будут искать такую работу, которая поможет обеспечить семью.

Мой муж уже четвертый месяц работает в кооперативе. Первые два месяца, пока шло становление кооператива, никто не получал зарплату. Только сейчас, когда пошла прибыль, мой муж стал зарабатывать. Бешеные деньги он, конечно же, не получает, но семья наша обеспечена. Работает он почти без выходных с 9 утра до 12 ночи. Вот это я понимаю — работяга!

А по-вашему, получается, что мой муж «барыга»?! И что он «делает деньги»? Он их не делает, он их ЗАРАБАТЫВАЕТ!

С уважением

И. САМОЙЛОВА, г. Москва.

ОТПУСК ЖЕНЩИНЕ-МАТЕРИ — ПОЛНОСТЬЮ!

Ни с одним из детей я не была в дородовом отпуске положенные 56 дней. С первым ребенком — 7 дней, со вторым — 30, с третьим — 20 дней. Надо мной посмеиваются: «Не можешь врача обмануть».

Долго болела, детей не было. А в 32 года забеременела снова. В этот раз мне декретный отпуск — больничный лист — давали с 30 марта. Если бы я не возмутилась, не поспорила бы с врачом, то ни дня не отдохнула бы, так как 30 марта — день рождения моего сына. Все-таки выспорила 20 дней отдыха.

Все дети у меня рождались с нормальным весом, доношенные.

Я учительница, работаю в детском саду с шестилетками. Весь день на ногах, да еще нагрузка: физкультура с ребятками — лыжи, коньки... Вот и каталась почти до родов.

С одним ребенком не так заметно, когда наказывают рублем, а когда семья большая, ощутимо. Конечно, я могла бы в суд подать, но с детьми да работой нет времени ходить по судам.

Редко какая женщина отдыхает перед и после родов все 112 дней. Как подумаю, что и моя дочь тоже будет страдать от бессмысленно враждебной ситуации, в которую попадают и беременная, и врач, становится нехорошо.

Милый Крокодил! Прошу как мужчину: помоги решить эту проблему.

Сейчас женщины получают пособие в размере 50 рублей до исполнения ребенку года. Предлагаю: если женщина до родов лишние дни пробыла на больничном, то оплату их можно было бы удержать из этого пособия.

Повторяю: так или иначе, а проблему эту решать надо.

Г. МАРТЫНОВА, п. Изыхские Копи Красноярского края.

ЯБЛОЧНЫЙ КОМПОСТ

Крокодил! Ты, наверное, посещаешь магазины «Овощи — фрукты». Заметил, что из года в год всю зиму в этих магазинах продают только венгерские яблоки. А почему не продают российские — прекрасные зимние сорта? Уж не перемерзли ли яблони, или их вырубили, как уже бывало? Ничего этого не случилось. Земля российская богата плодами и сейчас. Только госагропромовские, центросоюзовские и иже с ними бюрократы никак не могут наши российские сорта доставить на столы граждан.

Я — садовод-любитель. Ежегодно перед сбором урожая у нас, садоводов, голова болит от заботы: куда девать урожаи? Дома, в Москве, хранить яблоки негде. Продавать на рынке не каждый может. Вот и получается, что добрая половина прекрасных российских плодов идет в компостную кучу!

Такое безобразное положение складывается у всех владельцев садов. Поезжай в глубинку, там увидишь поразительную картину: прекрасные российские плоды кушают «буренки» и «хавроньи», а мы с тобой кушаем иноземные яблочки, так как не можем поднять с земли наши российские.

Наши заготовители во время сбора урожая с успехом могли бы заготовить огромное количество фруктов. По договорным ценам их можно было бы купить у нашего брата садовода. Причем по очень низким ценам, особенно в глубинке. Конечно, требуется обеспечить их зимнее хранение. Вот бы где развернуться нашим предпринимателям! Тогда бы на полках магазинов красовались всю зиму и российские яблочки — причем по цене более низкой, чем сейчас иноземные. А за рубежом агропромовцы и центросоюзовцы покупали бы нужное для хранения и переработки плодов оборудование.

А. СТАРИКОВ, г. Москва.

300 РУБЛЕЙ ЗА... ХОНДРОЗ

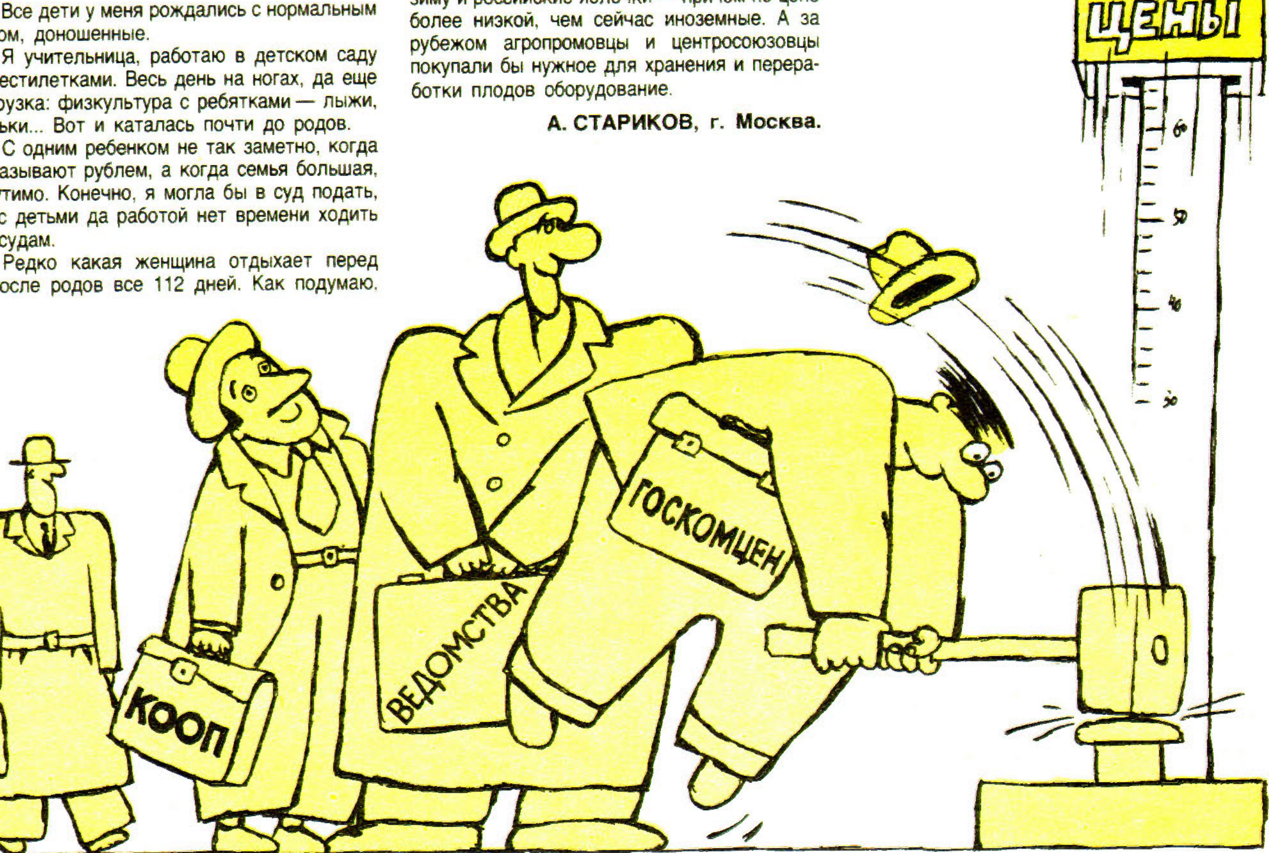
Как-то Волгоградское телевидение показало такую картину: два милиционера тащат под руки упирающуюся бабушку. Бабуля вопит, а милиционеры приговаривают: «Это она вопит не по мертвому, а ей бражку жалко...» А старушка на старости лет строится, вот и приготовила бражку. А плачет она потому, что не бражку ей жалко, а свою одинокую и трудную старость...

Теперь стали старухами женщины рождения 1920—1926 годов, которые из-за войны не вышли замуж. Кое у кого из них есть по одному ребенку, а большинство — совсем одинокие. И пенсия у них невелика, и квартиры одиночкам не дают. Вот они и строятся на старости лет. Я сама с 1920 года, строилась, выйдя на пенсию. Строители — из РСУ. Не поднесешь — уйдут и три дня не появляются, а то и совсем могут уйти на другую стройку...

Беда в том, что борьба с алкоголизмом хлещет по таким бабушкам. Теперь за услуги деньги не берут, и, если у бабули не найдется бутылка, сидеть ей и без угля, без дров, без света... Приходится сотворять какую-либо бражку или, на худой конец, прокисший компот. А дали бы таким бабулям квартиры да 100 рублей пенсии, не трясли бы их милиционеры...

Ко всему прочему бабки эти, прожившие трудные годы, страдают хондрозами, ревматизмом, радикулитом... Врачей в деревнях нет, лекарств — тоже. Раньше они настаивали на травах водку и растирали свои болячки, теперь же покупают за 10 рублей бутылку самогонки, настаивают на травах и лечатся. А поссорятся соседки, одна на другую — анонимку, дескать, «самогонщица»... И летит со всех ног милиционер, ставит у бабки все вверх дном, а попадется ему бутылка с настойкой, платит бабка «за хондроз» 300 рублей штрафу.

А. ПОПОВА, г. Волжский.

В. ДМИТРЮК, В. ТИЛЬМАН (тема).

Собрания периода застоя!
Их нужно было только посещать.
Занятие достаточно простое —
Не то что делу душу посвящать.

События привычные, как «здрасьте»...
Я в памяти невольно сохраню
Все эти платонические страсти
И вегетарианские меню.

РАСФОРМИРОВАНИЕ

В 1952 году после проигрыша на Олимпийских играх сборной СССР футболистам сборной Югославии была расформирована команда ЦДКА (ЦДСА).
В 1963 году, по сути, беспричинно была раскассирована партийная организация писателей Москвы.

Хрущевым разогнана наша партгруппа,
Как Сталиным — ЦДКА.
Придумано было довольно неглупо
И, главное, наверняка.

Потом оказалось — несправедливо.
Решили восстановить.
Да только не плодоносит нива,
Не склеивается нить.

Ломать — не строить! Трудились предки,
Как водится, до конца.
Без этого отмирают клетки,
Скучнеют черты лица.

За темными окнами спит столица,
От снов своих горяча.
Нам с вами уже ничего не снится.
Полковникам — стук мяча.

ТЕХНИКА

Упала старушка,
Сломалась лодыжка.
А рядом подружка,
А с крыши ледышка.

— Давайте носилки! —
Нечистая сила
Почище косилки
Прохожих косила.

А дворник-затворник
Взял нехотя ломик.
— Ну что ты за дворник?
— Да спину вот ломит...

А техника — где-то,
Приятного цвета,
Подобьем привета
Нам — от Моссовета.

Но техника все же
Без шума и склоки
Сработала тоже
В короткие сроки.

Надежная эта
Природы примета,
Где техника света
И техника лета.

ПАРА

Он одет довольно модно,
С шейным шелковым платком.
А посмотришь: ну и морда! —
Как не думал ни о ком.

А она — почти что серна,
И в сознании моем
Эти люди как-то скверно
Уживаются вдвоем.

«ПЕТР I»

Компаниями бегали в кино,
Тянулись к газировке и сиропу.
Пустяк, что заколочено окно,
Прорубленное некогда в Европу.

Лишь несколько неструганых досок,
Подогнанных сноровисто и ловко.
Вот так. Теперь еще наискосок...
А Петр шумит — подумаешь, делов-то!

НА МАНЕВРАХ

Спросил сержант: — А где ефрейтор? —
У бабки около дверей.
Та рот раскрыла: — Где еврей-то?
Да не пойму я, кто еврей...

Про поросенка или просо
Все знала старая насквозь.
Национального вопроса
Касаться лично не пришлось.

ПРИМИРЕНИЕ

Погрузилась даль осенняя
Во тьму.
Захотелось примирения
Ему.

Дотянулся, щелкнул снизу
Ноготком,
Будто голубь по карнизу
Коготком.

Изнутри к стеклу приблизила
Лицо.
Появлением возвысила
Крыльцо.

Вышла собственной персоною —
Почет! —
Молодая, разозленная
Как черт.

Вы хоть раз встречались с тиграми
В глуши?
Их любили всеми фибрами
Души?

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ

(ироническая фантастика)

Таблеточку сухого коньяка
Швырнул в стакан с водой. Через минуту
Он пил уже, как в прежние века,
Прошедшие сквозь всяческую смуту.

Другой — таблетку просто проглотил,
Запив глотком кавказской минералки.
— Алкаш! — скривился первый. — Нету сил
Смотреть на вас. Манеры ваши жалки!..

Ну, ничего. Сотрите крупный пот,
Когда и эта выполнена квота.
Ведь как другой смеется или пьет,
Во все века шокирует кого-то.

ТЕТЯ ЗИНА

Из окна смотрела Зина,
Как щербатый ветеран
На ступеньках магазина
Бодро ноги вытирал.

Не довольствовался малым,
Вскоре шествовал лужком
С оттопыренным карманом
И со встреченным дружком.

Мир в черемуховой пене
Преломлялся и тонул.
А вдали девчонки пели —
За язык их кто тянул?

«Я залетке дорогому
Пропою частушечку:
Проводи меня до дому,
Поднесу чекушечку...»

И смотрела тетя Зина
На ступеньках магазина
И вздыхала: — Мужики!
Ну, пройдохи! Ну, жуки!!!

А слова частушки старой
Сладко жили на губах,
За околицей-заставой,
В перелесках и лугах:

«Для кудрявого разини,
Моего залеточки,
Отпустите в магазине
Полкило селедочки...»

1979 г.

Моя любимая, замечу между нами:
Я награжу тебя своими орденами.

Как те фельдмаршалы, что вмиг с груди снимали
Кресты роскошные на лентах и в эмали.

Под шум ядра или под тонкий визг шрапнели
Вручали их солдатику в шинели

Простреленной. И говорили: — Ишь ты!..
И, обнимая, целовали трижды.

В тиши или средь пушечного рева
Награда высочайшая царева

В придачу к независимому нраву
Не мне — тебе принадлежит по праву.

БАЛЛАДА ОБ АТЕЛЬЕ

В золотом окне — швеи,
И дела у них свои.

Вечерами что-то шьют,
Погруженные в уют.

Проходящий вдоль окон
Соблюдает свой закон. —

Заступает как в пикет.
Пряча за спину букет.

В заключенье интервью:
— Из него веревки вью.

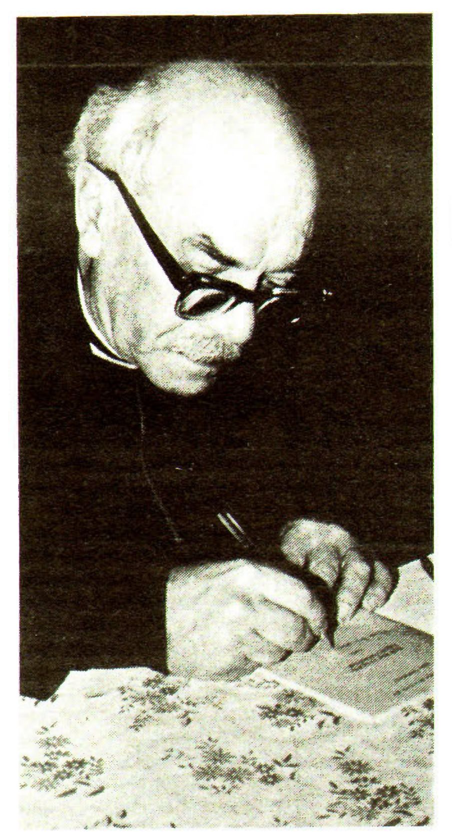

О эта мера отчая,
О эта вера общая
Лишь в то, что напечатано,
Воспитанная тщательно.

Пусть нет у мысли отблеска —
Важней наличье оттиска.

Вся суть, что нам дарована,
Должна быть сброшюрована.

О эта тяга к серости,
Размноженной на ксероксе!

Давид САМОЙЛОВ:

«ХОРОШО ДОЛЖНО БЫТЬ НЕ ТОЛЬКО ТЕБЕ...»

— Давид Самуилович, всем известна не только ваша тяга к уединению, но и пристрастие к философскому осмыслению жизни. Какая проблема выходит на первый план сегодня?

— Конечно, на первый план выходят вопросы духовной жизни. Мы привыкли к тому, что они вторичны по отношению к производству, к обществу, к государству. Может быть, цивилизация дошла, наконец, до необходимого уровня, но сейчас и производство, и сельское хозяйство, и экология — все находится в зависимости от духовных потребностей. В конце концов мы можем пережить трудную эпоху в экономике — если у нас будут необходимые ПОНЯТИЯ об этом. Речь идет о наличии вообще твердых и высоких понятий в человеке. Эти понятия десятилетиями искажались у нас или вытравливались, и мы с трудом к ним приходим, иногда даже пугаемся того, к чему приходим. В конечном счете все проблемы могут быть решены при наличии взаимопонимания, т. е. одинаковых понятий в обществе. Одним из факторов, тормозящих этот процесс, я считаю социальный и национальный эгоизм, который сейчас, в обстановке большей гласности, выпячивается на первый план. Это некий искаженный вариант истинных национальных потребностей. Мы знаем, что в прежние времена было очень много пороков и недостатков в организации межнациональных отношений, недостатков в культурной политике, не было у наций возможности решать собственные вопросы культуры. Это оставило естественную травму в национальном сознании — как Тынянов говорил, стало этаким «выдвинутым фактором».

Я живу в Эстонии. Если взять требования эстонцев и требования интердвижения — русской части, то сами они, и те и те, в отрыве от действительности вполне справедливы. Но их конкретные проявления часто связаны с трансформацией в сугубо бескультурной среде. А бескультурье всегда несправедливо, так как желает благ только себе. Многие эстонцы помнят все «прелести» диктаториального режима, депортацию, выселение... Но основной-то вопрос сейчас не в том, кто кому может отомстить за страдания, а в том, что мы — два народа, пострадавшие от одного и того же, и если мы сейчас поймем друг друга — мы что-то сдвинем. Разумная политика — это та, которая при наличии идеала считается с политической реальностью. Разумеется, и высокие идеалы должны быть, иначе прагматизм выйдет на первое место. Это должны учитывать обе стороны. Я уверен, что, если категорически возобладает одна из двух крайних сторон,— конец и гласности и демократии. Политическая ситуация требует диалога. Конечно, во многом еще своя рубашка ближе к телу, но шить эту рубашку следует грамотно, культурно, чтоб рукавами по физиономиям соседей не задевать. Вот приняли в Эстонии вполне справедливый закон о языке. Для национальной культуры, для роста самосознания это необходимо. Но есть там один пункт. О том, что в течение четырех лет русские, желающие жить и работать в Эстонии, должны выучить язык. Прекрасно! Только как выучить-то? Если, скажем, в Швецию приезжает обычный рабочий, даже без специальности, он перед тем, как эту специальность выбрать и получить, ПОЛГОДА НА СТИПЕНДИИ изучает язык интенсивными методами у специально подготовленных учителей. Принять закон очень легко, попробуйте его обеспечить!

Другое дело — экономическая самостоятельность. Возможна такая самостоятельность! В Эстонии, скажем, сельское хозяйство в лучшем состоянии, чем в других регионах. Только необходим неизменный, раз и навсегда установленный продналог. И сроки пользования землей. Крестьянин не станет работать, пока не убедится, что земля его. Будет обычная эксплуатация того же участка, взятого на время, выжимание из него всех возможных соков. А потом государство в конце арендного срока получит ни на что не годный пустырь.

Каждый из нас должен понимать, что хорошо должно быть не только тебе, не только данной социальной группе или данной национальности, но и всем другим. Причем даже в какой-то степени за счет тебя. К сожалению, наше общество еще не доросло до такого понимания. Образцом группового эгоизма является наша бюрократия и наша номенклатура, которая всеми силами старается удержать свои позиции — и становится серьезным препятствием на пути нашей духовной жизни. Бюрократия препятствует гласности, личной инициативе, и вряд ли словами заставишь ее уступить свои позиции. Как-то я видел программу «Взгляд». Вот человек или небольшой коллектив, который может заработать и сэкономить государству миллионы,— и ему препятствуют. И НИКТО ЕГО НЕ ЗАЩИЩАЕТ, все видят безобразие этого дела — и никто. У нас еще существует такая НИЗОВАЯ ЗАВИСТЬ к человеку, который может хорошо работать и вместе с тем хорошо зарабатывать. Конечно, такие люди будут постепенно терять инициативу и уходить — плевать на все в конце концов.

Из-за недостатка твердых понятий в обществе — о правах, о демократии, о гласности — нас тревожит конфронтация мнений. Мы не привыкли к двум мнениям, не говоря о трех. Мы привыкли к одному. И поэтому крайние мнения могут оказываться неквалифицированными и даже слишком жесткими. Ну, например, есть группы, которые выступают прямо в защиту сталинизма. Этого не надо пугаться, потому что общество в целом постепенно излечивается от этой болезни, общество понимает, какие слои его, закоснелые или корыстные, хотят сохранить остатки сталинизма. Но ведь есть много людей моего возраста, предположим, которым чрезвычайно трудно расстаться с энтузиазмом своей юности, с закалкой войны. И нельзя не уважать людей, которые с трудом отказываются сейчас от своей веры. Мы бы хотели, чтобы они сразу взяли бы и наплевали на свое прошлое! А ведь верность честному прошлому — это положительное качество. Вот когда эту верность кто-то использует в корыстных целях, это отвратительно. Словом, надо отличать одного сталиниста от другого. Так называемого «неосталиниста», который всех этих лет не прожил, от искреннего и честного ветерана труда и войны, человека просто старой формации. Конечно, «раскручивание» всех событий сталинского времени совершенно необходимо. Это и есть тот гуманный способ убеждения, убеждения фактами, который единственно возможен и законен.

Говоря о распространении гуманных понятий в обществе, надо заметить, что и само понятие «гуманизм» трансформировалось. Нас все время учили, что существуют пролетарский гуманизм и буржуазный гуманизм. Буржуазный гуманизм бесплоден, ущербен, бесхребетен и непринципиален. А гуманизм — один. Одна система общечеловеческих нравственных ценностей. И второй системы не дано. А права человека — это гуманизм, законодательно закрепленный по отношению к каждой личности. Кстати, для того, чтобы быть полноправной, нашей отдельно взятой личности не хватает прежде всего самосознания. Надо избавиться от внутренних препон и необходимостей. Я считаю, что свободная личность гораздо меньше требует, чем несвободная. Она свободна от многих лишних потребностей. Ей не нужно внешне утверждаться, а утверждение всегда происходит за счет кого-то. Вообще свободная личность гораздо более гармонична. И поэтому более способна и создавать, и воспринимать. Наверное, не надо бояться снимать запреты. Боимся свободного выезда за границу. Но, во-первых, само сознание возможности выезда отчасти снимает потребность. Люди, у которых есть эта внутренняя свобода, не будут так уж рваться в те самые заграницы. Да, запрет порождает жадность и неодолимую тягу поехать в Гонолулу. А что мне, собственно, Гонолулу? Я знаю людей, буквально помешанных на этом... А, во-вторых, мир не бездонный мешок. Мы все боимся, что кто-то от нас убежит. Прямо вот так снимутся целые районы — и плавно перелетят, аки птицы небесные, куда подальше. Куда? Германия, например, даже всех этнических немцев, которые сейчас у нас проживают, принять не смогла бы.

Кроме всего прочего, остро стоит сейчас вопрос о равенстве. Еще в конце 20-х — начале 30-х годов не было такого разделения общества на сытую номенклатуру и не больно сытый народ. Потому что номенклатура тогда не настолько отличалась и не столько ее было. Не было этого мафиозного круга распределения, который существует сейчас. Не было привилегированных высших учебных заведений. Не было так называемых «позвоночных», не было спецшкол.

Условия для равенства у нас существуют. В пушкинской, например, России не было еще даже сознания равенства сословий. Сейчас сознание есть. Но есть и преграды — наличие привилегированных прослоек, которые получают не по труду и таланту, а по положению. Недавно я прочитал меню «цековской» столовой в Литве. Это замечательный документ неравенства в распределении и даже в ценах. Это меню нашего обычного ресторана по столовским ценам. И не только в области продуктовой. У данного сословия самые разные возможности. Меня совершенно не возмущает, когда условия жизни крупного ученого, инженера, хозяйственника отличаются от условий среднего человека — ведь и вклад его выше среднего, это и есть распределение по таланту и труду. Возмущает, когда к крупному ученому приравнивается человек, пишущий бумажки и получающий куда больше того, что он стоит.

— А что тревожит вас как писателя, как представителя творческой интеллигенции, так сказать, по роду службы?

— К сожалению, у нас все еще существует РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСКУССТВА. Когда человек создает художественное произведение, у него нет гарантии, что оно будет ОБЪЕКТИВНО оценено. По причине неквалифицированности многих критиков, занявших места не по таланту. По причине конъюнктуры: говорят «плохо» не потому, что бездарно, а потому, что «не ко двору», не вписывается в стандарты. За Иосифа Бродского, например, заступились на суде Маршак и Чуковский. Разве их выслушали? Разве приняли их мнение к сведению? Слушали непрофессионалов, говоривших то, что было тогда нужно. Да скольких оттесняли — и в основном по причине талантливости! В искусстве и науке никогда не тесно. Это только бездарь боится — придет талант и его вытеснит. В литературе, чтобы амортизировать такого рода «непускания», издательства должны быть более независимыми, с очень профессиональными сотрудниками — чтобы туда не ссылали чиновников от культуры «руководить писателями», а годами учили, воспитывали редакторов.

— Вы были знакомы со многими прямо-таки легендарными поэтами, учеными, писателями. Расскажите для разрядки что-нибудь смешное «из архивов»!

— После 1953 года мы часто беседовали с Ахматовой. Она была человеком с удивительным чувством юмора, а кроме того, обладала необычайной точностью выражений. Как-то она встретилась с Фростом — знаменитым американским поэтом. Естественно, я поинтересовался — как впечатления. Она тут же ответила:

— Ну что ж, очень милый прадедушка.

Помолчала и добавила:

— А может, даже уже прабабушка...

Еще помолчала — и закончила:

— У него столько наград, сколько у меня несчастий!..

А Николай Глазков! Однажды, уже после войны, он пришел ко мне в гости. И тут же зашел академик Ландау. Это была встреча двух гениев. Между прочим, себя Глазков, подавая руку, одно время рекомендовал: «Гэ-Гэ», что означало «Гений Глазков». Ландау обычно называл себя коротко — «Дау». Именно таким образом они познакомились. Глазков сказал:

— А я был на Ваганьковском кладбище и видел могилу художника Доу.

Ландау очень живо отозвался:

— Это не я!

Тогда Глазков сообщил:

— А я самый сильный из интеллигентов.

— Нет,— сказал Ландау,— самый сильный из интеллигентов — профессор Виноградов, он может сломать толстую палку.

Глазков не сдался:

— А я могу сломать полено!

После чего немедленно предложил Ландау сыграть в шахматы и, кажется, выиграл.

Навестила писателя в Пярну
Наталия ГРАЧЕВА.

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ: ЭТО ВОЛНОВАЛО НАШИХ ИЗБРАННИКОВ...

— Копи смолоду, внучек, не жди нового закона о пенсии...

С. РЕПЬЕВ.

В. УБОРЕВИЧ-БОРОВСКИЙ, В. МОЧАЛОВ (тема).

Как зароешь денежки в землю, так считай себя гидромелиоратором!

В. ДМИТРЮК, В. ВЛАДОВ (тема).

В. ЛУГОВКИН.

Итак, допустим. Допустим, что наступило такое благословенное время, когда мебельные фабрики поднатужились, мебельные магазины распахнули свои двери для всех — и полное мебельное изобилие наступило. Пришла пора радоваться и плясать от счастья.

Пришла ли? Не спешите бить в барабаны, читатель. Дело в том, что ваша мебель, как бы это помягче выразиться, испускает токсичный дух.

Что? Вы не знали о таких неприличных свойствах «стенок», диван-кроватей, столов и прочего? Странно. Хотя откуда вам знать? Объявлений об этом в мебельных магазинах не вывешивают, по радио не сообщают, рекламных проспектов, в которых разъясняется, что из чего делается, пока не выпускают за полной бесполезностью — и так расхватывают все подряд...

Знакомясь в Минздраве РСФСР с бумагами, имеющими непосредственное касательство к столам, шкафам и прочей продукции мебельных предприятий, я увидел двухлетней давности письмо заместителя Главного государственного санитарного врача СССР (тогда эту должность занимал Э. М. Саакянц). В нем недвусмысленно было сказано: «...Не допускается применение ДСП на основе формальдегидсодержащих смол... в производстве детской и школьной мебели...»

водственное объединение «Детская мебель».

— Как же так! — возмутился я.— Значит, почти все 36 образцов мебели для детей на 75—80% делают из ДСП? И столы для пеленания новорожденных тоже? Но ведь есть официальное запрещение Минздрава СССР!

— Мы только изготовляем мебель, а сырье нам поставляет НПО плитной промышленности,— заявил генеральный директор Р. П. Босый.— Мы получаем готовый «ламинат» — детали, облицованные пленкой.

а он каким был до письма, таким и остался...

И все же я решил заглянуть туда, где производят мебель для школ — столы и парты. В Москве их делают предприятия ППО Моспромстройматериалов.

Заглянул. И обнаружил все те же ДСП. И никаких других «ламинатов».

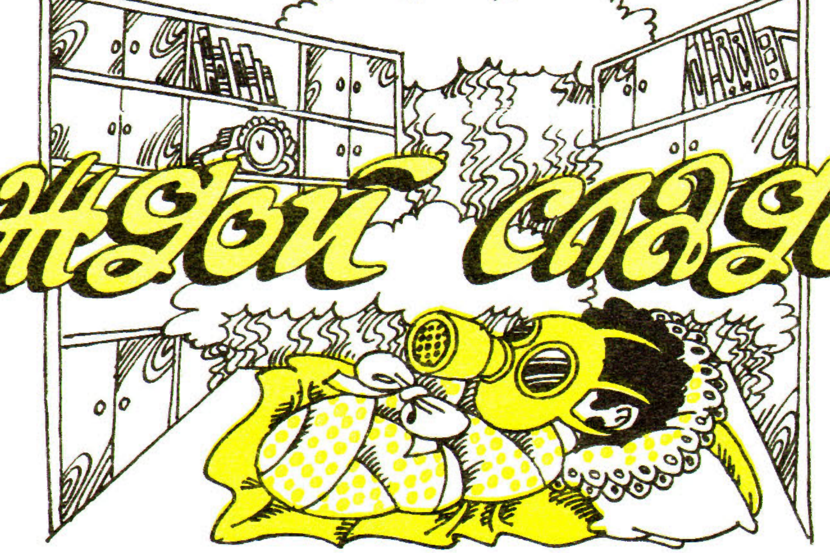
В связи с этим у меня возникли вопросы. Они начали выползать, как грибы после дождичка.

Допустим, что детскую мебель и школьные парты станут делать из нетоксичных материалов. Допустим. А как оградить ребенка от формальдегида дома, если нет возможности выделить детям отдельную комнату?

А как быть, например, с не очень здоровыми взрослыми или стариками, которым везде у нас почет? Задавать такие вопросы ответственным мебельным товарищам абсолютно пустое

Н. КВИТКО, специальный корреспондент Крокодила

НАДЕЖДОЙ СЛАДОСТНОЙ

Признаться, я и сам об этом, как говорится, ни сном ни духом, пока по заданию редакции не поинтересовался, из чего же делается мебель, если основная масса натуральных пиломатериалов идет совсем на другие дела...

Вы только не пугайтесь и не волнуйтесь. От новой мебели никто еще, вульгарно выражаясь, не дал дуба. А на всякие там ОРЗ, ларингиты-фарингиты мы не очень обращаем внимание. Зато мы шалеем от счастья, когда нам удается добыть красивый гарнитур, на 99 процентов сотворенный из ДСП.

А все дело в технологии. Чтобы древесные отходы превратились в древесностружечные плиты, то есть в материал для мебели, в тесный контакт с ними должны войти специальные химические материалы — карбамид-формальдегидные и фенол-формальдегидные смолы. Они-то и обладают ехидным свойством выделять аммиак, фенол, формальдегид и прочие вещества, которые, как рассказал мне кандидат медицинских наук В. М. Стяжкин, зав. лабораторией Всесоюзного НИИ гигиены имени Эрисмана, просачиваются в малейшие отверстия, изъяны и щели и незаметно, постепенно, понемножку проникают в организм владельца мебели.

И сразу потянуло меня в мебельное царство — посмотреть и, если можно будет, даже, извините, нюхнуть детскую мебель.

— Скажите, пожалуйста,— обратился я в магазине к субъекту в синем халате с эмблемой мебельной фирмы,— из чего сделаны кроватки и «стенка» для школьников?

Субъект, оживленно беседовавший отнюдь не с покупателями, презрительно смерил меня взглядом и изрек:

— Не с металла же!

— Наверно, из ДСП?

— А где вы видели, чтобы мебель у нас делалась из чего-нибудь другого? Гарнитуры за пять-шесть тысяч рублей идут из ДСП, а эта мелочь...

«Уймитесь, волнения страсти»,— мысленно пропел я сам себе и отправился туда, где рождается «эта мелочь», то есть в московское произ-

Ламинат, пленка — все это звучит очень красиво, но существо, содержание, начинка от этого не меняются: ДСП есть ДСП.

Но может, не на всех мебельных предприятиях так, мягко выражаясь, прореагировали на предписание санслужбы Минздрава? Контроль за соблюдением сангигиенических параметров возложен на заводские лаборатории, а контролировать их деятельность должны санэпидстанции.

Так вот, это официально-логическое построение рассыпалось при первом же столкновении с жестокой действительностью: на большинстве мебельных предприятий нет лабораторий! А в Московской городской СЭС мне объяснили, что проверить исполнение указанного документа не представляется возможным, поскольку предприятия создают мебель по ГОСТу,

дело. Они в ответ бьют козырной картой: без ДСП невозможно выдать столько мебели, сколько сегодня требуют покупатели, сколько нужно народу! На это никаких лесов не хватит!

Правда, товарищи из мебельной промышленности утверждают, что половина производимых ими плит безвредна. И вообще, мол, ничего страшного в токсическом поведении мебели нет! Больше того, ПДК — предельно допустимые концентрации токсичных веществ в ДСП, по их мнению, должны быть пересмотрены в сторону увеличения. Вот так!

Об этом сказано в письме Минлеспрома СССР заместителю председателя Совмина СССР, председателю Госстроя Ю. П. Баталину.

Есть в этом послании еще один интересный нюанс. Но прежде я коечто еще расскажу о подлых качествах ДСП.

Дело в том, что эти качества находятся в прямой зависимости от количества: чем больше формальдегидной смолы в ДСП, тем хуже для людей. Безвредных, нетоксичных смол у нас — увы — пока нет. Не производим мы еще и активные вещества, так называемые акцепторы, которые связывали бы всю вредную гадость в смоле и не давали бы ей выпархивать на просторы наших квартир.

Но все же существуют у нас три класса ДСП по уровню выделения формальдегида. Высший класс выделяет в три — шесть раз меньше, чем низший. Так вот, медики требуют низший класс вообще аннулировать напрочь, а детскую и школьную, в частности, мебель делать только из ДСП высшего класса. А работники Минлеспрома СССР в упомянутом письме просят «поручить Минздраву СССР» повременить с такими требованиями, пока у нас не появятся нетоксичные смолы, и «временно» не требовать от них производства плит только высшего класса, поскольку это — цитирую — «...практически недостижимо и экономически неоправданно...»

Как говорится, умри, Денис, лучше не скажешь! Интересно, кто, где, когда подсчитывал экономическую оправданность здоровья и нездоровья? И что это за «экономика», если она приносит вред людям? Мы многие годы экономили на экономике и теперь пожинаем горькие плоды...

Впрочем, уже создан проект нового ГОСТа. Предполагается, что существование низкосортных ДСП класса Е-3 будет ограничено 1990 годом и ни днем больше. И тогда мебель, по мысли разработчиков, станут создавать из менее токсичных или совсем нетоксичных материалов... Свежо предание, да верится с трудом. Не готовы к этому ни химики, ни мебельщики.

Разве что произойдет некое чудо. Этакий мебельный переворот. Или нашу долгожданную мебель станут наконец делать из натуральной древесины. Ведь, «надеждой сладостной дыша», мы как-то лучше чувствуем себя даже в окружении нитратов с нитритами и химикатов типа формальдегида...

ДЫША...

От редакции. На этом, дорогой читатель, мы завершаем публикацию фельетонов, посвященных одной и той же волнующей теме: мебели. В № 16 мы рассказали о том, как она распределяется в Москве. В № 17 поведали о причинах ее дефицита. В этом номере проинформировали о том, из чего и как она делается.

Согласитесь, все это не смешно. Все эти мебельно-производственные аспекты вызывают некоторое недоумение. Больше того, они вызывают легкий шок и яростный гнев. Особенно у покупателей-новоселов, а также неновоселов.

В связи с чем у Крокодила возник ряд вопросов к ряду ведомств.

Во-первых, к Минлеспрому, Минхимпрому, Миннефтехимпрому, Минстанкопрому, Минудобрений и Минлегпрому:

— Почему не выполняются обязательства перед народом о расширении производства мебели?

Во-вторых, персонально к Минхимпрому:

— До каких пор мебель будет делаться из ДСП на основе токсичных веществ, наносящих вред нашему здоровью, хотя, как Крокодилу стало известно, мебель на экспорт делается из веществ безвредных?

В-третьих, персонально к Минлеспрому:

— Почему растут цены на мебель? Может быть, министерство считает, что хозрасчет — это один из новейших способов «честного отъема денег» у покупателей, провозглашенных небезызвестным литературным героем?

И наконец, к Моссовету и некоторым другим местным Советам:

— До каких пор местные органы власти, отринув социальную справедливость, будут проводить описанную Крокодилом практику распределения мебели вместо торговли ею?

Крокодил ждет ответа на заданные вопросы.

КИНОЗУБ

«СТРА-А-ШНО, АЖ ЖУТЬ!» — пугают нас два новых фильма

Именно так звучал припев одной из юмористических песен Владимира Высоцкого, в которой, как вы помните, лешии, ведьмы и прочая нечисть колобродили в «страшных муромских лесах». Но мы не пугались, напротив, улыбались, понимая, что все эти сказочные страсти-мордасти — не более чем шутка.

Я вспомнил эти слова, когда посмотрел две новые картины о молодежи двух наших весьма известных режиссеров старшего поколения. Так вот, страшной жути в них, пожалуй, с лихвой хватит на годовую продукцию «ненаших» фильмов ужасов, а уж рокеров, наркоманов и прочих славных представителей «группы риска» столько, сколько и в самых злачных местах столицы не всегда встретишь. А как же иначе, ведь свою «Трагедию в стиле рок» режиссер Савва Кулиш снимал «об нашей советской мóлодежи» (именно так, с ударением на первом слоге, величают ее пожилые блюстительницы нравственности, сидящие на скамейках перед домом). И которая, если верить фильму, в основном и состоит из вышеперечисленных персонажей. Да и старшее поколение предстает на экране далеко не в лучшем виде.

Впрочем, давайте по порядку. Итак, жила-была в Москве одна очень милая семейка. Папа, бабушка и маленький девятнадцатилетний Витенька — студент юрфака. Идиллия в семье была полная (несмотря на давным-давно бросившую их маму) — от квартиры, битком набитой всем тем, что мы с вами видим в телерепортажах из жизни простых американских миллионеров, до совместных пробежек сына с папой по утрам и вкусных бабушкиных пирожков. И вообще папа, обыкновенный советский инженер, был кумиром не только для Вити, но и для своей компании «шестидесятников», дружно и под гитару предающихся воспоминаниям о былой, естественно, прекрасной и честной юности.

А потом грянула трагедия. Папа оказался элементарным ворюгой, связанным с мафией (вот гад, а еще «шестидесятника» из себя корчил), и попал за решетку. А Витюша очень страдать начал в свои младенческие девятнадцать, ибо, конечно, не догадывался, откуда у папы-инженера филиал «Березки» на дому. На этих-то чувствах и сыграл другой мерзавец-мафиози, маскирующийся до поры до времени с помощью бритой головы и третьего глаза, нарисованного на лбу, под безобидного поклонника бога Кришны. Он приучил атлетически сложенного малютку сначала к «колесам» (таблеткам, которые, как вы сами понимаете, совсем не от головной боли), а потом и вовсе «на иглу посадил». И не только самого Витю, но еще и его дружка, а также сверхчистую девочку Лену, которую потом периодически и со вкусом насилует на экране. Все это, конечно, под тяжелый рок, ту самую роковýю музыку, которая, по утверждению некоторых писателей, является порождением дьявола и американского империализма.

Словом, режиссер с каким-то сладострастием начинает живописать все ужасы бытия героев. Их «ломку» без «колес», голых и лысых девиц, свальный грех, загаженную квартиру, недержание мочи у героини и массу других увлекательных подробностей из жизни молодых наркоманов. Ну, скажите, что может вызвать у зрителя та растленная молодежь, кроме естественного чувства омерзения и ненависти? Тем более что никаких иных эмоций, судя по всему, она не вызывает и у создателей фильма. Какое там милосердие, жалость, какая там пушкинская «милость к падшим», если фильм истерично вопит: ату их, ату, всех этих металлистов и рокеров, всех этих маленьких вер и арлекинов! Тут-то и становится страшно. Когда в финале, после смерти отца и сына, в зале облегченно вздыхают (мол, туда им и дорога, проклятым) и начинают с подозрением поглядывать на «антилегентов» и тех, кто носит прически неуставного образца. И становится обидно и горько за режиссера, который начинал с хорошего фильма «Мертвый сезон», а теперь снимает такую вот — не трагедию! — провокацию в стиле рок.

Но вот и другие герои — тоже молодые, тоже интеллигентные, тоже москвичи (правда, играют их почему-то сплошь прибалтийские актеры, и поэтому их персонажи, русские люди, если судить по именам, вдруг начинают говорить с забавным «иностранным» акцентом). Вот как говорил режиссер в одном из своих интервью: «Наш фильм — о сегодняшнем дне, о том, какими мы пришли к новому долгожданному этапу в развитии нашего общества, что из дорогого нам сохранили, что потеряли, на что надеялись, как все же пронесли наши идеалы через все периоды застоя». Так определил известный советский режиссер Игорь Таланкин тему своей новой картины «Осень, Чертаново» (по роману Г. Семенова «Ум лисицы»). Фильм он снял методом семейного подряда, ибо привлек в соавторы сценария и сопостановщики Дмитрия Таланкина — сына.

Честно говоря, ни «идеалов», которые «пронесли», ни «дорогого», что «сохранили», я в картине как-то не обнаружил. Да и мудрено было, если героиня с ходу заявляет такую вот свою жизненную программу: «Надо стать развратной, чтобы быть святой». Мысль, конечно, интересная, но не бесспорная, надо заметить. Впрочем, только не для героини, которая живет с мужем — талантливым физиком (которого любит), но любит не менее талантливого писателя (которого еще и уважает), а спит с совершенно неталантливым шофером (которого боится). Вот такой неклассический любовный четырехугольник (а, судя по биографии героини, таких «углов» в ее жизни было немало, уж такая она многогранная натура по этой части). Хотя картина, конечно же, о другом, ибо, как гласит аннотация: «Героев фильма, московских интеллигентов, тревожат несовершенство и бездуховность современного мира, последствия научно-технического прогресса». Не знаю, может быть, но почему-то тревожат их эти самые глобальные проблемы, скажем прямо, в самый неподходящий момент, в койке. А тут еще рокеры на мотоциклах появляются и, как у них, у рокеров, заведено, насилуют героиню прямо на бетонном полу, в жутко антисанитарных условиях и, по-моему, не сходя с мотоциклов (вот они, последствия научно-технического прогресса!). Но потом выясняется, что это только пригрезилось писателю, принявшему для храбрости больше, чем нужно. Нет, оказывается, все же насилуют, но не рокеры и не на полу, а неизвестно кто, но зато на снегу. Правда, потом героиню убивают. А муж ее сигает в окно, но не из-за смерти жены, а потому, что кто-то украл его личное биополе. А на писателя падает с крыши ледяная глыба, но рядом. Зато умирает теща, но, увы, бывшая. Вам все понятно? Мне — тоже не очень, но, очевидно, у них в Чертанове да еще осенью все не как у людей. Страх и жуть, короче.

Господи, а ведь был прекрасный, искренний фильм «Сережа». И по-настоящему поэтичные «Дневные звезды». И снял их в свое время все тот же Игорь Таланкин. Куда что делось? А осталось... Воспользуюсь очень подходящими для этого словами одного из героев фильма «Осень, Чертаново»: «Мелодраматическая пошловатая история — а вы пытаетесь сделать из нее трагедию... Это же взгляд обывателя на интеллигенцию... У вас нет концепции сценария в целом... ведь это дилетантизм... И вообще, по большому счету, все это неправда».

Увы, лучше не скажешь.

П. СМИРНОВ.

Александр БОНДАРЕНКО, специальный корреспондент Крокодила

ГАРНИЗОН В ГЛУБИНКЕ

...На холме, посреди чиста поля — позиция радиолокационной роты. Крутятся антенны станций, днем и ночью несут боевое дежурство воины-локаторщики, охраняя вверенный участок неба.

— Напрасный труд! — воскликнет совсем уже искушенный читатель.— Кто сейчас, в эпоху «нового мышления», нападет на нас?!

Рискну возразить: не так уж и чист еще политический горизонт, и мы порой желаемое выдаем за действительное. Да и случайности, подобные пресловутому «пролету Руста», не исключены. В войсках ПВО, к слову, сделаны из этого чрезвычайного происшествия должные выводы... А сколько жизней спасено теми же воинами-локаторщиками! Порой именно они первыми принимают сигнал бедствия терпящего аварию воздушного судна, выводят на курс заблудившиеся самолеты.

Вообще, согласно нашей оборонительной доктрине, противовоздушной обороне отводится главенствующая роль, а ведь РТВ — радиотехнические войска — это глаза и уши ПВО. Так что все вполне соответствует времени и новому мышлению.

По круглым оранжевым экранам индикаторов ползут отметки от целей — летящих в воздухе объектов. Поглядывает на них дежурный по пункту управления старший лейтенант Роман Варчик.

— Наш «ЖОРик»,— беззлобно усмехнувшись, представляет его политработник капитан Вячеслав Косарев.— А впрочем, офицер добросовестный, дисциплинированный, знаток техники.

«Жорик» — «жертва одностороннего разоружения» — это современный армейский сленг. Так именуют тех, кто увольняется в запас по сокращению Вооруженных Сил — в том числе и добровольно. Раньше офицер в любом случае обязан был отслужить положенный срок. Теперь «ворота открыли» — и желающих уволиться в запас оказалось предостаточно.

— Чем же вам не понравилась служба? — спрашиваю я.

— А знаете, что такое «точка»? — вопросом на вопрос отвечает Варчик.— Лично я здесь уже наслужился, хватит! Хочется и самому, и семье по-человечески, по-нормальному пожить!

Мы решили подсчитать, сколько часов в неделю трудится офицер радиолокационной роты. Приходит на службу в 8, уходит — после 19 часов. Минус час обеда — вот вам и десятичасовой рабочий день при шестидневке. Плюс к тому — боевое дежурство, когда нужно безотлучно находиться на позиции. Отдежурил — отдыхай. Если, конечно, вся техника исправна, не надо ее чинить. Если не объявили «готовность» — не начали тренировку. Вот и выходит, как минимум, 64 часа в неделю. Сверхурочные не оплачиваются, работа в выходные отгулом не компенсируется, «замещение» — а это приходится делать постоянно — в зачет не идет. Плюс к тому — ответственность за людей и за технику, за несение боевого дежурства, вызовы на службу в любое время, переводы с «точки» на «точку».

— Пойду работать на авиационный завод в родном городе,— мечтательно говорит старший лейтенант.— Как минимум, 200 рублей будет. И жена наконец-то пойдет работать. Материально только выиграем...

...Военный, так сказать, городок. КПП, три деревянных строения, приземистый гараж. Почувствовав «свежего человека», на меня пикируют тучи комаров.

— Стоим на болоте,— отгоняя мошкару, уточняет капитан.— Сырость, холод, комарье... Не курорт, в общем.

Как посмотреть! Дома, в которых живут семьи, вполне курортного вида. Сборнощитовые, без фундаментов. Может, в Крыму или на Кавказе они были бы на месте, но здесь, ближе к северу... Зимой мороз доходит до минус 50. Но и — 30 градусов достаточно, чтобы насквозь промерзли стены, выступил в комнатах иней. Полы в домах не только гниют, но и «гуляют», коробятся. Вещи, постельное белье надо раз в месяц выносить на улицу для просушки — иначе пропитает все насквозь запах затхлости... Счастье, что сумели в дома провести паровое отопление и балонный газ. Но вода — в колодце, туалет — холодный.

В одном длинном, барачного типа здании расположен весь «гарнизон» радиолокационной роты — казарма, канцелярия, столовая, ленинская комната. Мирок, ограниченный по периметру колючей проволокой. Вокруг — лес.

Офицеры и солдаты выполняют здесь свой воинский долг. А жены офицеров — Лена Зайцева, Света Варчик и другие — совсем еще юные, горожанки, студентки-заочницы — что держит их здесь? Любовь к мужьям, которых не видят они сутками, а то и неделями? Чувство долга? Сказать сложно... Но жить так, как живут они,— это вообще выше всякого понимания. Бытовых удобств — никаких. Работы нет ни у кого.

Впрочем, устроиться на работу можно. Маленький город довольно близко, за час можно дойти. Но идти-то надо в темноте, по большаку, в холод — на это не всякий мужчина решится... Автобусы же к «точке» не ходят. Возить женщин в город на ротном транспорте, старом-престаром грузовике, тоже очень сложно. Лимиты бензина и моторесурсов жесточайшие, их с трудом хватает для обеспечения боеготовности и жизнедеятельности подразделения. Да и тента или будки на грузовике нет.

▶

ГАРНИЗОН В ГЛУБИНКЕ

Поставить их не сложно, но тогда машина не сможет войти в гараж, построенный самими солдатами, хозспособом, из кирпича, который достали где-то... Не будем уточнять, где и как, но по-иному не достать.

Хорошо хоть иногда удается женам офицеров выезжать на грузовике в город — по магазинам. Часа на два, на три. Не больше. Это единственное развлечение, кроме телевизора.

Зато жилья хватает почти для всех. Единственный бесквартирный — лейтенант Александр Буйницкий, холостяк,— кочует по городку. Если кто-то уезжает в отпуск, то отдает ему ключи. С мебелью — бедновато. Тесно для нее, да и стоит ли везти ее из города? Сырость все равно погубит... И вообще — жизнь у офицеров кочевая. Капитан Вячеслав Косарев, например, не разменяв еще четвертого десятка, сменил пять «точек». На одном месте больше двух лет задержаться не пришлось. Какие уж тут гарнитуры?

Вот так и живут защитники неба нашей Родины. Хотя после того «пролета Руста» было принято решение об обустройстве «точек», намечены жесткие сроки выполнения. Но прошло некоторое время, и впечатление от этого позора как-то стерлось, сроки выполнения подрастянулись. Не решены вопросы жилья, снабжения отдаленных гарнизонов, нет в штате транспорта для нужд семей военнослужащих, медицинское обеспечение отсутствует напрочь.

— Рота наша — на хорошем счету,— рассказывает капитан Косарев.— Часть награждена переходящим Красным знаменем военного совета округа. Бдительно несем боевое дежурство, давно изжили грубые нарушения воинской дисциплины, нет у нас случаев «дедовщины». А вот бытовые условия... Одно спасает, что у большинства развито, обострено чувство долга. Живут по принципу «кто, если не я?» — лишь чувство долга и удерживает офицеров на месте. На «точках» сейчас могут служить только истинные патриоты, люди, очень сильные нравственно.

Говорит мне это политработник, и чувствуется в его словах тревога. Известно ведь: ныне престиж военной профессии падает. Причин тому много, но бытовая неустроенность, несоответствие оплаты ратного труда его содержанию и напряженности — это из важнейших. Снижаются конкурсы в военные училища, пресекаются армейские династии.

— Ну что я в жизни видел, что нажил, кроме язвы желудка да вставных зубов? — говорит сыну пожилой майор или капитан, современный Максим Максимыч.— Нет, не ломай свою жизнь, не иди по моему пути... Подумай о своих будущих детях! Пусть в человеческих условиях растут, а не на «точке». Поступай в институт, устраивайся на завод, в кооператив... Заработок — верный, жизнь — куда как спокойнее...

Идет сокращение Вооруженных Сил, военного бюджета. Неужели, как это нередко у нас бывает, все сделают чисто механически? Рубанут какие-то статьи расходов или отовсюду понемногу оттяпают — и порядок? Нет, необходимо не просто сокращать, а еще и перераспределять, думать о благосостоянии людей, охраняющих и защищающих Родину в достаточно экстремальных условиях, об их семьях, разделяющих с офицерами все тяготы и лишения воинской службы.

За последние годы в политике нашего государства произошли решительные перемены. Сокращается уровень вооружения — как в двустороннем, так и в одностороннем порядке. Но давайте посмотрим честно — по доброй ли воле и от хорошей ли жизни уходят из армии офицеры, ранее мечтавшие о военной карьере? Уходят не те, кто служит в больших штабах, учреждениях, военно-учебных заведениях. Уходят те, на чьи плечи возлагается основная тяжесть несения боевого дежурства, поддержания боевой готовности, воспитания личного состава. И это не может не тревожить.

Ордена Ленина Московский округ противовоздушной обороны.

ПОЧТА ОДНОГО ФЕЛЬЕТОНА

А ЦЕНЫ ЗДЕСЬ ДИКИЕ

Пожалуй, пришел конец спорам о том, как обращаться друг к другу. Помните, еще несколько лет назад все были увлечены поисками благозвучных и уместных обращений к незнакомке или незнакомцу на улице, в транспорте или учреждении. «Товарищ» казалось слишком официальным, от «гражданина» и «гражданки» веяло милицейским холодом, «девушка» — предполагало знание анкеты, «мадам» звучало старомодно и глупо. Даже предложенные писателем Солоухиным исконно русские «сударь» и «сударыня» не прижились.

А вот теперь все чаще и чаще слышишь «мой дорогой», «моя дорогая». Что ж, и современно, и уважительно, и демократично, и изящно. Иногда упрощают, говоря просто «дорогой», «дорогая». Правда, пока все больше обращение направлено на предметы неодушевленные: «Мой дорогой плащ», «Моя дорогая картошка», «Дорогое мыло», «Дорогая колбаса» и т. д. Но, как говорится, лиха беда начало. Главное — привыкнуть к словосочетаниям подобного рода, полюбить их, сделать неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. А в этом, надо отдать должное нашей промышленности, Госкомитету по ценам, Минфину, союзному Госагропрому (теперь уже бывшему), руководящие ими товарищи, или, по-новому, «дорогие», весьма преуспели.

Видимо, поэтому фельетон «Дрожание от подорожания» (№ 32, 1988 г.) вызвал обильную читательскую почту. Напомню, речь в материале шла о том, «что в следующем году мы с полным правом и чувством законной гордости сможем говорить: «Чего у нас только нет!» Нет пальто женских — демисезонных и зимних по доступной цене! Нет детского трикотажа! Нет доступных пишущих машинок и мини-будильников, нет дешевых шампуней и зубной пасты!» Дальше говорилось о том, «что если дело так пойдет и дальше, то нашей зарплаты как раз будет хватать, чтоб жить в доме пониженной этажности, в квартире ухудшенной планировки и ходить в форменной спецодежде...». Говорилось кое-что и о предприятиях, которые стали хитро маневрировать ассортиментом, повышать цены под видом улучшения качества продукции, о неправедных и даже нерегистрируемых инфляционных процессах.

Чтобы хоть немного порадовать читателей, спешу сообщить: некоторые предприятия, резво взвинтившие цены, получили по рукам. «Обсудив статью журнала № 32 «Дрожание от подорожания», сообщаем, что критика в адрес Новгородского завода имени XIV партсъезда высказана правильно,— говорится в ответе министерства.— Руководству завода указано на недопустимость снятия с производства товаров народного потребления, пользующихся массовым спросом у населения, и предложено продолжить их производство в 1989 г. ...»

Увы, эта ложка меда вряд ли подсластит бочку дегтя: все остальные заводы и фабрики, упомянуть которые в фельетоне не было возможности, видимо, продолжают отдавать предпочтение дорогим и очень дорогим изделиям. Подтверждение тому — письма.

«Колбасу видим,— сообщает О. Ю. Петрова из поселка Шортанды Целиноградской области,— но от 6 рублей и выше. Да и та на вкус противная, пересоленая, влажная... А в газетах пишут о колбасном изобилии в Целинограде. Да зачем такое изобилие нужно? За такую цену — такую дрянь!»

Письмо О. Ю. Петровой пронизано горьким пессимизмом. «Какое может быть наше участие,— сетует она,— если нас, простых-то смертных, нигде и никто из «белых» людей слушать не хочет. И главное, жаловаться бесполезно, да и некому... Это мы только в газетах читаем: где-то кого-то за взятки и махинации привлекли. А в нашем захудалом райцентре, наверное, так было, так и будет».

Но наряду с читателями, лишь констатирующими подорожание, прогрессирующую инфляцию и понижение уровня жизни, многие авторы писем пытаются разобраться в механизме безудержного роста цен.

«...мне кажется,— пишет А. А. Цыпленков из древнего города Касимова,— я смогу в какой-то степени объяснить, почему идет дорожание хлеба насущного. Я работаю на Касимовском хлебокомбинате. Но это такое прозвище — «хлебокомбинат». Если разобраться, то окажется, что будет хлебозавод. А разница — в административном аппарате. Поэтому пекарни называются заводами, заводы — хлебокомбинатами, а в областных городах созданы объединения по производству хлебопродуктов. И вполне по закону растет управленческий аппарат. Чтобы его содержать, нужны деньги. Все просто...»

Некоторые читатели, одобряя в целом позицию автора фельетона, сетуют, что из поля его зрения выпали кооперативные цены. «Вот, например, в Ленинграде,— делится своими наблюдениями А. П. Советов,— выпьешь стакан чаю за 3 копейки и, естественно, идешь в туалет. А там стоит молодой человек, развлекает себя транзистором. Ему бы нужно работать в кооперативе по откорму быков, а он пальцем показывает каждому входящему на свою копилку, где написано «10 коп.».

Немало откликов пронизано чувством горечи, стыда, а иногда и полной безысходности. Люди не видят выхода из сложившейся кризисной ситуации, не верят в меры, предпринимаемые для оздоровления экономики и повышения народного благосостояния. «...у нас нет другого выхода, кроме как поднять руки вверх и сдаться на милость Запада,— считает 27-летний житель Курска.— Сказать: ребята, делайте что хотите, назовите это чем хотите, но пусть нам будет так же хорошо, как и вам. Иначе просто несправедливо. Почему мы должны душиться в тисках разрухи, а они — наслаждаться жизнью?» (Имя автора намеренно не называю, так как, по его мнению, редакция такие мысли «никогда не опубликует, а письмо перешлет компетентным органам».)

Вообще многие читатели считают, что их мнение мало учитывается в таком общезначимом государственном вопросе, как политика ценообразования. «...может, провести всенародный референдум,— предлагает молодой экономист из Воронежской области И. А. Глаголев,— по обсуждению этой проблемы?»

Между тем пока читатели негодуют, предлагают и спорят, обращения «дорогой» и «дорогая» потихоньку вытесняются превосходной степенью — «очень дорогой», «супердорогая» и «сверхдорогое». Поэтому, видимо, уместен вопрос, прозвучавший в письме жителя Саратовской области В. П. Коженова и поставленный с непосредственностью детской сказки об Алисе: «Куда же смотрит правительство?»

«Если правительство не примет строжайших мер по борьбе с бесхозяйственностью,— пишет товарищ Коженов,— то в скором времени мы обнищаем, наш жизненный уровень покатится вниз. Да он уже и катится...»

На этот крик души нашего читателя, впрочем, поддержанный миллионами безгласно кричащих соотечественников, правительство откликнулось основательным решением. В начале февраля Совмин СССР принял постановление «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования».

«Работа по совершенствованию ценообразования,— сказано в нем,— должна быть направлена на стимулирование повышения эффективности производства, увеличения выпуска высококачественной продукции производственно-технического назначения, разнообразных товаров и предоставления услуг, удовлетворяющих спрос населения с разным уровнем доходов». И дальше следуют долгожданные «отменяется», «вводится», «признано недопустимым»...

Итак, все хорошо? Осталось только кричать: «Ура!»? Давайте все же повременим, не будем впадать в эйфорию. В области цен и доходов требуется многообразное сочетание экономических и административных мер. Постановление Совмина — пока что сугубо административный метод решения проблемы. А экономические рычаги еще ждут Архимеда. Однако представим, что всех министров плохих мы заменили на хороших, разогнали агропромы, разгромили (распустили, реорганизовали) ведомства, а сами по-прежнему работаем вполсилы, бьем баклуши, забиваем козла в рабочее время и стираем белье в библиотечный день. Станет ли наша жизнь краше, затрещат ли полки от новых товаров, будут ли доступнее цены? Вопросы, на мой взгляд, не праздные, ибо от Ямала до Кушки, от Прибалтики до Камчатки наблюдается состояние устойчивого разгильдяйства.

Хочу внести одно забавное предложение. А что, если всем нам попробовать работать в полную силу? Такая своеобразная модель хозрасчета, не имеющая порядкового номера в экономических кругах. Ух, что будет!

Марк ГРИГОРЬЕВ.

Матвей ГРИН

ТЕАТР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Окончание. Начало в № 17.

Театр еще был на гастролях, я обдумывал свою будущую работу, и вдруг меня вызвал начальник КВО, капитан Родионов; у нас состоялась двухчасовая беседа, если, конечно, можно назвать беседой разговор, при котором один сидит, а другой стоит и вынужден выслушивать вот такое:

— Тут до вас был один Лотштейн из Одессы, он тоже сам писал и конферировал, а на одном концерте вдруг сказанул: «Дорогие друзья! Начинаем концерт...» А концерт шел для управления. Ну, конечно, я его сразу отправил в карцер, а первым же этапом наладил на Воркуту! Это же надо! Мы — друзья врага народа! И вообще что-то уж больно много смеха на этих концертах! Тут проверяющий из Гулага был, а театр как раз выступал на пересылке, он шел по зоне, а из столовой — смех. Он и говорит нашему первому отделу — полковнику Манаенкову: «Что-то у вас очень уж весело зеки живут? Вредили, шпионили, страну продавали, а теперь смеются! Над кем? Над нами? Какой курорт мы им устроили! Давай, полковник, закручивай гайки!».

Родионов помолчал и сказал:

— Головин уже старый, да и болеет часто! Присмотрись и принимай театр, а он будет только петь...

— А вы с ним говорили, гражданин начальник?

— С кем? Надо будет, сучья пойдет обрубать и там пусть свои арии поет! Запомни: наше дело — приказывать, ваше — исполнять?! Ясно?!

Те, кто побывал в сталинских лагерях (а таких миллионы), хорошо знают слово «придурки», им работяги обозначали всех «зеков», кто не вкалывал на общих работах, не загибался на лесоповале, в шахтах, на строительстве, а ошивался в конторах, на складах, в каптерках, хлеборезках, на кухне, на разных должностях в зоне... Иногда это название — «придурки» — имело презрительный смысл, иногда обвинительный, а часто констатирующий. Все зависело от того, как вел себя по отношению к «работягам» сам «придурок».

Не буду скрывать, этим словом называли и нас, работавших в лагерном театре, но с чистой душой могу свидетельствовать, что по отношению к нам оно не имело обидного смысла. Театр в лагере и любили, и берегли. Был бы не прав, если бы не сказал, что и у многих из нас возникали душевные сомнения: вправе ли мы жить чуть лучше, чуть свободнее, чуть сытнее, чем все остальные в лагере? Эти сомнения посещали нас. Тогда мы не могли на них дать исчерпывающий ответ — теперь я постараюсь это сделать. Да, мук физических у работников театра было, конечно, меньше, чем у работяг, надрывавшихся на непомерных дневных заданиях, занятых истинно рабским трудом. Но вот муки нравственные были у нас, пожалуй, во сто крат сильнее. Почему? А потому, что, находясь два-три часа на сцене (или даже на репетиции), живя жизнью своих персонажей в спектаклях, пением, музыкой, танцами, мы на короткое время забывали о том, где мы, что с нами случилось, в каком аду идет и, возможно, пройдет вся оставшаяся жизнь! Но кончался спектакль, концерт, мы спускались со сцены и снова попадали в тот всеобщий ад лагерной жизни. И вот этот ежедневный переход из выдуманной жизни — в реальную был страшен, сводил с ума.

Какие бы самые высокие слова я не сказал здесь о том, что значил приезд театра для «зеков» — приезд раз в полгода,— все равно я не смогу передать это чувство праздника, это ощущение запаха далекой воли, где остались семья, любимая работа, друзья, застолья, музыка, концерты, на которые ходили и семьями, и коллективно — «с работы».

А мы, играя в театре и думая о своей миссии, считали, что лучше зажечь маленькую свечку, чем просто проклинать большую тьму. Так мы и делали — наша свеча горела для тысяч и тысяч без вины виноватых людей.

В театре было около 80 человек вместе с цехами, костюмерной, портняжной, сапожной. Работала оперно-опереточная группа, которая ставила в концертном исполнении «Евгения Онегина», «Мазепу» (в главных ролях выступали Головин, Чернова из Одесского театра, чудесный тенор Стрельцов). Танцевали прекрасные балерины из Вильнюса. (Они один вечер погуляли в ресторане с заезжими американцами, что-то ответили на вопрос о зарплате советской балерины и отправились обдумывать свой ответ на десять лет на Урал. Статья у них была... шпионаж! Боже мой, какие государственные секреты могли сообщить иностранцам эти балерины?! В хорошенькой головке Лины Понавайте и ее подруг — с первой линии кордебалета Литовского театра — был полный сумбур, они не понимали, что с ними случилось. Они плакали день и ночь, успокаиваясь только на репетициях и концертах — тут срабатывал профессионализм, творческая дисциплина, привитая им в хореографическом училище.)

Музыканты оркестра театра, которым руководил А. Варламов, позже — А. Хмелевич, а еще позже — Г. Арутюнов, прибыли в лагерь, можно сказать, со всей страны. Ядро оркестра составляли музыканты с причудливой военной судьбой: они были призваны в первые же дни войны, попали в музыкальный взвод одной дивизии, побыли на передовой месяца два и где-то в Белоруссии угодили в плен... Музицировали они в тыловых частях, снова плен, на этот раз американский, и, наконец, передача всех — нашим частям. А здесь — трибунал, по 15 лет каждому — и в Ивдельлаг.

Драматические артисты были тоже отовсюду, многие из Минска: не успев уйти от стремительного наступления фашистских войск, они в голодную зиму 1941 года вынуждены были открыть театр, и это после возвращения наших привело их в лагеря.

Были в театре и эстрадные певицы, иллюзионисты, акробаты, словом, состав многожанровый.

Что мы играли? Официальным путем получали пьесы и ноты из ГУЛАГА, но, как правило, использовать присылаемое было трудно: уж очень низкого качества были эти творения совсем неизвестных авторов. Доставали репертуар «с воли» — с помощью родных, тех из нас, кто имел право переписки и получал посылки. Драматическая группа играла классику и под нажимом начальства такие опусы, как детектив «Особняк в переулке» Л. Шейнина и братьев Тур, «Старую дачу» Ялунера и т. д. Об оперно-опереточной группе я уже писал. Концертная же группа имела репертуар весьма обширный: оркестр играл фантазии на темы песен советских композиторов, антракт из оперы Кармен или увертюры Глинки, Штрауса; солисты исполняли арии, романсы, песни, хореографические номера были самые различные — от классики до ритмических танцев. В концертах всегда было много художественного слова. Так, с огромным успехом читал «Русский характер» Алексея Толстого капитан второго ранга Александр Васильевич Дмитриев — единственный непрофессионал в театре: старый петербуржец, участник дореволюционных любительских кружков, он мог дать сто очков вперед любому профессионалу в исполнении ролей купцов в комедиях Островского, острохарактерных ролей в пьесах Чехова.

Не меньший успех, но, конечно, другого характера, имел и фельетон «Гостиница «Москва». Как, возможно, помнит читатель, в этом фельетоне был дан автором — Владимиром Поляковым — некий социальный срез нашей страны, с ее многомиллионным населением, состоящим из ста национальностей и народностей. Когда в фельетоне моментальными зарисовками давались образы: украинца, грузина, белоруса, молдаванина, латыша, в зале просто вскрикивали от радости узнавания родного говора, родных мест... Думаю, что нигде «на воле» фельетон не имел такого звучания — он был здесь как живой привет с Родины, покинутой не по своей воле, а оттого еще более желанной...

Чудесный минский артист Лева Михайлов исполнял этот фельетон В. Полякова из репертуара Аркадия Райкина.

Много лет спустя, после XX съезда, в начале моей работы в эстрадной драматургии, я рассказал Володе Полякову, как его творение звучало в уральских лагерях и какой имело там успех. Поляков очень расчувствовался и потащил меня рассказать об этом Райкину... Я сказал, что самым трудным было для нашего артиста уйти от интонаций Райкина, что ему это удалось — он читал фельетон как рассказ очевидца событий в столице...

— А как принимали зрители? — допытывался Райкин.

— Отлично! Даже самые огрубевшие душой — блатные — чувствовали ту мелодию времени, что звучала в фельетоне.

— Боже мой! Боже мой! Какое несчастье, какое злодейство,— вдруг сказал Райкин.

— Вот уж действительно «смех сквозь не видимые миру слезы»,— добавил Поляков.

См. стр. 12. ▶

Андрей ВАВРА

КЛОУНАДА С ХОЗРАСЧЕТОМ

Автор шел на встречу с человеком, который по нынешним понятиям и есть тот самый чиновник-бюрократ.

Союзгосцирк — мраморные лестницы, красная ковровая дорожка, люстры... Вроде где-то здесь. Но навстречу из-за стола поднимается печальный человек, в голосе которого звучит горечь несправедливой обиды:

— Вы, видно, считаете нас бюрократами? А ведь мы-то раньше всех и больше всех — ЗА!

И далее следует весьма убедительный рассказ, что руководство Союзгосцирка сплошь отцы родные для артистов.

Слушаешь — да, действительно, какой же он, к черту, бюрократ, раз только и думает, чем бы еще артиста порадовать?

В результате совершенно загадочная ситуация: бюрократа в Союзгосцирке никак не сыщешь, а вот так называемого «процесса торможения» — сколько угодно!

* * *

Два с половиной года назад наш знаменитый клоун Юрий Куклачев пришел в Союзгосцирк с идеей создания хозрасчетного циркового коллектива. К идее хозрасчета руководство отнеслось тогда, как к предложению зайти в клетку к голодному тигру и почесать его за ухом. Словом, чтоб получить у Союзгосцирка разрешение на этот естественный в нашу эпоху эксперимент, Куклачев вынужден был лично встретиться с министром культуры. Всего только восемь вариантов Положения о хозрасчетном коллективе пришлось ему предлагать Союзгосцирку, но вот наконец оно было утверждено.

— Пожалуйста, Юрий Дмитриевич,— сказало артисту руководство,— если уж вы так настаиваете...

И открыли коллективу спецсчет, куда следовало складывать заработанную прибыль.

Одного только Куклачеву не разрешили — самостоятельно распоряжаться этими заработанными деньгами. Поскольку такое право оказалось не предусмотренным рядом действующих в Союзгосцирке еще с незапамятных времен инструкций и распоряжений.

Прогорев с идеей хозрасчета, Куклачев в прошлом году регистрирует при Кунцевском райисполкоме кооператив «Цирк», который вскоре, когда отыскался надежный зарубежный партнер, становится совместным советско-французским предприятием «Цирк-Европа». Наученный горьким опытом, артист сначала зарегистрировал предприятие в соответствующих инстанциях, а потом уж обратился в Союзгосцирк с предложением о сотрудничестве.

Поступив так, Куклачев уже не ставил Союзгосцирк перед дилеммой: разрешить — запретить. Предприятие уже существовало.

— Ах, разрешать уже не надо? — поинтересовались в Союзгосцирке.— Ну, тогда, естественно, следует запретить!

Эта идея о запрете была очень благожелательно встречена в Министерстве культуры СССР, откуда в Кунцевский исполком проследовала бумага за подписью начальника Управления музучреждений Вихолайнена: запретить кооперативу концертную деятельность! Что там еще в Уставе кооператива? Ах, изготовление разных сувениров и матрешек с лицом знаменитого клоуна? Это пожалуйста! Пусть Куклачев в виде симпатичных матрешек путешествует по всему миру. Но чтоб сам артист сделал хоть шаг без разрешения Союзгосцирка — это категорически нет! Один артист захочет самостоятельно распоряжаться своей судьбой, за ним второй, третий... Что же тогда останется от Союзгосцирка?!

— Уж больно хитрый вы, Юрий Дмитриевич,— заявило Куклачеву руководство.— Хотите, чтоб только 70 артистов вашего коллектива жили хорошо? А остальные? Нет, давайте уж лучше будем жить плохо, зато все вместе, не разбегаясь.

Действительно, в задачу Куклачева входило сделать всем артистам своего коллектива хорошо. Всем буквально, причем сразу.

Во-первых, решался вопрос со ставками артистов. Пока они молоды и находятся в наилучших физических кондициях, то получают 100—120 рублей, ну, 150. С выслугой лет, понятно, больше. Но с обретением опыта, мастерства и артистизма заметно снижаются физические возможности артиста. Потому самые рискованные для жизни трюки выполняют в основном «сторублевщики». А по технико-экономическим обоснованиям выходило, что артисты Куклачева смогут получать в несколько раз больше. В частности, еще и потому, что у него 70 артистов будут кормить только трех администраторов коллектива — соотношение, которого немыслимо добиться в Союзгосцирке!

Во-вторых, в коллективе Куклачева собираются покончить с той ситуацией в оплате работы артистов цирка за рубежом, которая есть позор и унижение достоинства граждан великой державы. Потому что фактически оплаты их работы нет вообще — есть суточные. Которых порой не хватает на нормальное трехразовое питание даже пенсионеру, числящему за физическую нагрузку поливание цветов. Но какой сумасшедший станет суточные проедать?! Всем известно, что наши циркачи едут за границу с солидным запасом тушенки, сухой колбасы и с электроплитками — чтоб варить супы из концентратов ПО «Колосс». Так едут и рабочие по уходу за животными, и народные артисты — потому что суточные для всех едины! Как государственное предприятие, Союзгосцирк тут ничего не вправе изменить. А Куклачев — собирается непременно.

Весьма симпатична и идея Куклачева зарабатывать для государства больше валюты. Идея создания совместного предприятия родилась у него во время гастролей во Франции.

— Прибегает ко мне наш французский партнер,— рассказывает Куклачев.— Юра, говорит, я продал вас телевидению за 4 миллиона франков! Обращаюсь в наше посольство — есть такой весьма прибыльный коммерческий вариант! А мне говорят: через своего партнера Союзгосцирк вас уже продал телевидению — за 185 тысяч франков!

Как пояснили автору в Союзгосцирке, партнер главка хоть и не предлагает миллиона, зато подкупает своими симпатиями к нашей стране. Ну ладно, общность взглядов, идейная близость. В таком случае можно, наверное, уступить партнеру советский цирк за полцены. Но ведь тут меньше чем за одну двадцатую его рыночной стоимости!..

Кстати, непосредственно Союзгосцирку Куклачев сулит солидные выгоды — только за то, чтоб тот согласился отдать артистов для работы в кооперативе, знаменитый клоун предлагает ежегодно перечислять Союзгосцирку 200 тысяч рублей, а также по 10 тысяч долларов за каждый месяц зарубежных гастролей.

В планах Куклачева также строительство детского цирка, создание циркового музея (чего Союзгосцирк за все время своего существования так и не удосужился сделать), школы клоунов... А также собирается перечислить деньги на строительство детской больницы, закупить одноразовые шприцы и т. д. и т. п.

Но, не вникая в соблазнительные экономические выкладки, артиста сразу одернули:

— Что за самодеятельность? Почему вышли на контакт с заграницей, минуя Союзгосцирк?

И пока Куклачев, борясь за свое предприятие, бегал по различным инстанциям, его артистов стали усиленно обрабатывать, предлагая одним самые роскошные зарубежные гастроли, другим — высокие ставки, третьим — звания...

А кроме того, Союзгосцирк начал договариваться с зарубежным импресарио об организации параллельных с коллективом Куклачева гастролей — в том же месте и в те же сроки. На привычных для партнера условиях — все самое лучшее и почти даром!.. Лишь бы сорвать поездку своему конкуренту-соотечественнику!

* * *

Итак, артист предлагает Союзгосцирку то, что иначе как взаимовыгодным сотрудничеством не назовешь. Ему же на это — категорический отказ и объявление войны.

Мотивы? Пожалуйста: затея Куклачева — блеф, все мигом прогорит, за этим нет никаких серьезных экономических расчетов.

Экономическая сторона деятельности Союзгосцирка — тема отдельной статьи. Мы же только заметим, что необходимость перемен не выдумка Куклачева. Ведь с 1 января объединение перешло на хозрасчет — пока этот переход отражен только в соответствующем приказе. Отчего бы для начала не опробовать новые методы хозяйствования на примере предприятия Куклачева? Ведь прежде чем его зарегистрировал Минфин, оно прошло через одиннадцать комиссий. И даже пусть в намерения и планы предприятия вкралась ошибка — все равно оно даст полезный опыт и пищу для размышлений. Разве кто-то уже придумал способ, чтоб делать новое дело без проб и ошибок?

Мотив второй. В Союзгосцирке считают: аренда, хозрасчет, кооператив, совместное предприятие — это для артистов только модные лозунги, которые никто из них толком не понимает. Размахивая ими, на самом деле в голове держат только одно: почаще ездить за рубеж и побольше получать денег. Ставки и заграница — вот все, что волнует сегодня цирковых артистов.

Вот такие рассуждения, направленные на то, чтобы удержать в своих руках монополию. Чтобы владеть цирковым искусством без конкурентов. Оттого, кстати сказать, и глохнет идея Союза цирковых деятелей — общественной организации, которая могла бы отстаивать перед администрацией интересы артистов. Потому и объявлена война Куклачеву, чтоб рядом с Союзгосцирком не возникло никакой новой системы организации труда артистов цирка. Чтоб не было с чем сравнивать нынешнюю систему.

* * *

Впрочем, сегодня Союзгосцирк все-таки пошел на сотрудничество с предприятием Куклачева — подписал такой договор. Под определенным, честно говоря, нажимом. Ведь у Куклачева было уже больше четырехсот заявлений от артистов с просьбой принять их в коллектив. Да и на партсобрании, где встал вопрос о Куклачеве, он получил солидную поддержку ведущих артистов. Вот с каким скрипом пробивает себе дорогу в Союзгосцирке идея хозрасчета и аренды, организации кооперативов и совместных предприятий.

Итак, эксперимент Куклачева вроде бы стал историей со счастливым концом, и вроде бы уже отсутствует повод для крокодильской публикации. Если бы не очередное «но».

— Да, договор у нас подписан,— рассказывает сегодня артист.— Но теперь вдруг Союзгосцирк запрашивает немыслимую аренду за аттракцион перешедшего в наш коллектив дрессировщика Федотова. Начальник отдела формирования Прокопьев потребовал, чтобы В. Шемшур, который тоже собирается работать с нами, непременно ехал на гастроли в Киев. Артист подчинился и прибыл туда с животными и реквизитом — выяснилось, что его там не ждали, зверей не поставили на довольствие. В итоге у артиста вынужденный простой, и он кормит животных на свои деньги, пока из Союзгосцирка идет соответствующая телеграмма. А в довершение всего родное объединение тянет с нашими характеристиками для поездки за рубеж — не отказывает, но и не дает... Далее, в жилсоцбанк Кунцевского района последовал звонок с требованием закрыть нам кредит. Якобы мы плохие — отобрали у кунцевских детишек помещения (это где мы для них открыли видеотеку и зал с компьютерными играми!), и вообще — может, еще ни в какие зарубежные гастроли не поедем. А если и поедем, то наверняка плохо себя там поведем... Словом, вот уже три месяца бегаем по кабинетам, доказывая, споря, убеждая... Если раньше в Союзгосцирке нам твердо говорили «нет», то теперь сочувственно улыбаются, благожелательно хлопают по плечу и... душат. Столь же твердо, но более элегантно. Министерство культуры СССР хладнокровно следит за развитием событий: чья возьмет? Сам же министр культуры В. Захаров, сославшись на занятость, принять меня отказался...

Когда Куклачев рассказывал о своем кооперативе на партсобрании Союзгосцирка, то весьма значительное число артистов выступило в его поддержку. И при этом не преминуло серьезно покритиковать вообще процветающую в объединении систему взаимоотношений артистов и администрации, систему, которую нынче так горячо защищают генеральный директор Союзгосцирка Г. Андрющенко, а также его заместители П. Севастьянов, В. Котик, Т. Ассовская.

Действительно, ведь именно на них лежит ответственность, что и в сегодняшние времена Союзгосцирк продолжает крепко держаться за монополию, централизацию, за абсолютную власть администрации и бесправие артиста. А ежели артист требует аренды, хозрасчета и возможности напрямую договариваться с зарубежными партнерами, просит свободы, участия в управлении цирковыми делами, то... Тут отцы родные стараются свернуть ему шею.

Именно отцы: ведь и Иван Грозный в свое время круто обошелся со своим сыном...

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ: УЛЫБКИ, УЛЫБКИ, УЛЫБКИ...

Л. НАСЫРОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

В. ЛУГОВКИН.

В. МОХОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

В. МОЧАЛОВ, В. ЛУГОВКИН (тема).

Дружеские шаржи И. ЛОСОСИНОВА и В. МОЧАЛОВА.

Со стр. 9.

ТЕАТР ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

Но вернемся в... зону. Административно-командный метод руководства искусством там, в лагерях, принимал самые уродливые, а подчас и опасные формы. Однажды кто-то из наших певиц получил «с воли» песню Тихона Хренникова о сельской учительнице. Не могу вспомнить название. Это была мелодичная песенка о том, как в далекой заснеженной дёревушке зимним вечером грустит у окна молодая сельская учительница — она вспоминает огни большого города, где училась, где остались друзья и любовь... Песня как песня, должна была иметь успех, но, увы, получился «политический скандал»! Кто-то из лагерного МГБ, услышав на репетиции эту песню, поднял шум. Битый час начальник первого отдела полковник Манаенков орал на меня, что советская учительница не может грустить, живя под солнцем сталинской Конституции... Уже принесли «дело» исполнительницы песни Аллы Александровой — певицы из Брянской филармонии, уже оперуполномоченный, отвечающий за театр, прислал какое-то постановление... Я говорил, что песня написана депутатом Верховного Совета Хренниковым, но как на грех у нас был не печатный экземпляр нот, а переписанный от руки. Это вызвало новый поток обвинений:

— Фальшивку исполняете! Нашего советского композитора, депутата товарища Хренникова хотите оболгать! — орал полковник, и вдруг (ну есть же все-таки бог!) в комнату вошла зав. парткабинетом, жена начальника лагеря Белякова и с ходу подтвердила, что слышала эту песенку в Свердловске в клубе МВД в исполнении какой-то московской гастролерши.

— Отправляйтесь в зону! Вам сообщат решение!

Никто никогда об этом больше не вспоминал. А не войди в этот момент в комнату зав. парткабинетом, не миновать бы певице общих работ, да и кто знает, на кого бы еще обрушился гнев начальства...

Был случай и потяжелее: как-то в одном из концертов нам по сценарию нужна была «Песня о Родине» Исаака Дунаевского. Мы с Головиным решили, что запевать ее будет наш чудесный тенор Иван Стрельцов.

— Петь не буду! — твердо заявил Иван.

— Почему? — спросил я.

— А потому, что там есть строчка: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» — ответил Стрельцов.

Я невольно — о, проклятая лагерная привычка! — оглянулся на дверь: она была приоткрыта, значит, кто-то мог все услышать! Вообще-то «стукачи» в театре не задерживались, их распознавали быстро и находили способ «списать» из театра. Но дня за три до этого разговора с пересылки прибыли четверо новеньких: художник, оперный певец, скрипач и танцор. Еще там, на пересылке, старик скрипач сказал мне:

— Вы поосторожнее с этим Ахметом-танцором, он еще в казанской тюрьме все к «оперу» бегал!

Я выглянул за дверь, и у меня екнуло сердце — Ахмет крутился возле двери. Вечером меня вызвали в первый отдел. Ожидая этого вызова, мы с Головиным просчитали все варианты, и старик придумал гениальную вещь:

— Надо забить им голову музыкальными терминами и доказать, что Стерльцов не то чтобы не хотел петь эту строчку, а НЕ МОГ — по голосовым данным! Слава богу, начальство у нас малограмотное, и, возможно, что-то получится. А другого выхода нет,— сказал Головин.

Еще чуть-чуть нас успокаивало то, что Стрельцов шел не по 58-й статье, как все мы, а по военной: он на сборах утопил где-то в болоте танк.

Разговор был не просто тяжелый. Он очень напоминал допрос во внутренней тюрьме, разве что не били... Я твердо стоял на своем — сыпал терминами «тиссетура», «бельканто», «модуляция», «музыкальная фраза», нес несусветную чушь, доказывая, что для лирического тенора Стрельцова петь эту строчку просто невозможно!

— А что Головин говорит? — спросил начальник.

— А он считает, что Стрельцов может сорвать голос на этой строке.

— А почему мы не срываем, когда поем на собраниях? — подозрительно спросил полковник.

— Ну, вы же просто поете, гражданин начальник, а тут сцена — свои законы.

Я бегом побежал в зону, мы успели проинструктировать Стрельцова и только молили бога, чтобы полковник не проконсультировался у кого-нибудь из грамотных людей в Управлении. Но все обошлось! Полковник долго внушал Стрельцову, чтобы он был... победительнее: эти «враги народа» могут нарочно лишить его голоса, а талант принадлежит не ему, а народу, партии, и его надо беречь!

Боже мой! В таком темном лесу проходили годы нашей жизни!

Читателя, конечно, интересует, а что же было с тем, кто «доложил», или, как говорили в лагере, «заложил» Стрельцова? Разведка доложила точно, что новенький бегал в зоне к «оперу» — по-блатному, к «куму». Будучи уверенным в своей «победе», он даже спросил у Стрельцова, не дует ли от дверей на его месте? Присматривал для себя койку Ивана.

Сразу рассчитаться с ним мы не могли, списать его из театра тоже было невозможно,— он же еще ни разу даже не выходил на сцену! Мы решили дождаться первых гастролей. И вот на Талице, по просьбе нашего Арамана Назаряна — отличного саксофониста и человека, умевшего поддерживать связи с «ворами в законе» и «паханами» блатных,— Ахмета втянули в какую-то драку, и дальше продолжать «гастроли» он уже не мог — его оставили в зоне, сообщив начальству о несчастном случае... Понимаю, с точки зрения человеческой морали это ужасно — нельзя со злом бороться злом, но были ли у нас в тех условиях другие возможности?

В наших концертах я конферировал. О чем был конферанс? Местных, лагерных, тем я старался не касаться. Почему? Очень это были больные темы, а излишняя критика в адрес какого-нибудь «зека» могла привести к самым непредсказуемым последствиям. Это было опасно. Так о чем же я говорил с эстрады? Конферанс носил внутриконцертный характер. Я говорил о жанрах (песни, танцы, драма, опера), и это имело просветительский оттенок. Для «вольных» зрителей я этим и ограничивался, но иногда для «зеков» можно было позволить себе отвечать на вопросы из зала, на шутки, иногда весьма соленые, парировать подковырки зрителей... Успехом пользовались самые неожиданные, казалось бы, совсем непритязательные репризы. Не было в лагере бо́льших лодырей, «кантовавшихся» без дела, опухших от сна, чем пожарные. Все знали, что они, как правило, были ставленниками «кума» — лагерного опера, так что жалеть их не приходилось. И вот однажды на концерте, когда подходило время к антракту, я спросил зрителей:

— Пожарник есть в зале?

Вокруг зашумели: «Здесь он! Двадцать пятый час сон «давит»!» Пожарника растолкали, он, ничего не понимая, вышел к сцене...

— Ты пожарник? — спросил я.

— Ну, я, а в чем дело? Горит у вас что?

— Объяви, пожалуйста, антракт, все равно тебе делать нечего!

Восторгу зрителей не было предела! Все-таки хоть малость была восстановлена справедливость: «Мы вкалываем на лесоповале до седьмого пота, а этот «сексот» тут отсыпается за нас!» Ко мне подходили «зеки», благодарили: «местный материал» сработал! В «просветительской» части конферанса я старался рассказывать о Пушкине, Чайковском, Шопене, Моцарте (исполнялся его «Турецкий марш»), о Толстом, Чехове и т. д. Эта моя просветительская деятельность имела совершенно неожиданное продолжение: как-то меня вызвал Родионов и велел идти в парткабинет к его заведующей. Я пришел и получил приказ прочесть для административно-командного состава лагеря несколько лекций о современной литературе и искусстве. И я — «враг народа» — читал эти лекции! Каждый понедельник по три часа я стоял на трибуне в парткабинете и рассказывал им (по памяти, конечно) о новинках литературы, спектаклях.., больше всего опасаясь забыться и назвать их «товарищами» и «друзьями».

Во время концертов и спектаклей для вольных меня, а ранее Головина часто вызывали в ложу, где сидело высшее лагерное начальство с женами. Помню первый такой вызов: я только что начал конферировать в концертах, был для всего начальства человеком новым (впрочем, это преувеличение: людьми мы для них не были никогда), и в антракте начальник театра прибежал за мной:

— В ложу — требуют!

Я вошел в ложу и остановился. Не знал, надо ли мне (имею ли я право) здороваться с вольными? Полез в карман за платком, и у меня выпала на пол единственная сохранившаяся после всех «шмонов» на пересылках, после всех этапов фотокарточка моего четырехлетнего сына. Кто-то проворно поднял карточку и передал ее — не мне, а начальнику лагеря Белякову. Карточка пошла гулять по рукам, на ней был изображен мой сынočек, улыбающийся, нарядно одетый, сфотографированный в знаменитом ателье в Художественном проезде, возле МХАТа...

— От такого ребенка вы поехали в лагерь,— вдруг услышал я голос Белякова. По всем лагерным законам надо бы промолчать, но я не смог — уж очень чудовищно это прозвучало:

— Я не сам поехал, гражданин начальник, меня повезли!

— За что он сидит? — обратился начальник к кому-то.

— 58 — 10,— ответил тот.

— Ладно, идите, мы подумаем,— сказал генерал.

Я ушел, совершенно не понимая, о чем они собираются думать.

Выяснилось это месяца через три, когда меня вызвали на вахту и вручили... пропуск на вольное передвижение в пределах лагеря — это километров шестьсот в окружности. Пропуск выдали, как сказал начальник режима, «по производственной необходимости, а то бы черта с два с 58-й ты его получил!..»

Много лет спустя, во время концерта в Олимпийской деревне «За кулисами смеха» — авторского вечера, который я обычно веду,— в антракте ко мне за кулисы пришли мужчина и женщина. Он молчал, а она спрашивала:

— Вы нас не помните? Это же Беляков, я его жена — из Ивделя мы! Помните?

Я все помнил, но о чем я мог с ними говорить?

И вдруг он сказал:

— Мы знали, что вы зря сидите, но такое время было... такое время!

Она сообщила:

— А мы живем в Серове — оба на пенсии... Я там вашу книгу купила. Ох, знать бы, что встретимся,— привезла бы... автограф бы написали...

Боже мой! Какой я мог автограф им оставить?

ОСТОРОЖНО: ВИЛЫ!

Если кто не в курсе, скажем: вилы, которыми Крокодил прокалывает кое-кому бока, как ни крути, принадлежат к холодному оружию. Пользоваться ими надо осторожно. Мы, во всяком случае, прежде чем пустить их в ход, тщательно взвешиваем все «за» и «против», а уж выслушиваем мнение «провинившегося» обязательно. Вдруг он да защитит свой несчастный бок?

Но в «Челябинском рабочем» этой аксиомой решили пренебречь. Взяли и напечатали фельетон «Вилы в бок... «Крокодилу». Да-да, именно нам. Непосредственно.

Как себя чувствует Крокодил с вилами в боку? Честно говорим: плохо. Больно. Тем более что рана нанесена незаслуженно.

Речь идет вот о чем. Челябинское общество книголюбов не без помпы распространило среди читателей города весть о приезде с литературным вечером представителей нашей редакции. На афишах перечислялись известные имена. Тут же началась торговля билетами — каждый по два с полтиной... Каково же было недоумение читателей (зрителей), собравшихся в зале, когда на сцену вышли другие московские писатели-юмористы — ничуть не хуже заявленных, но совсем не те, что были указаны в анонсе...

Нехорошо? Да, нездорово. Однако...

Однако существуют некоторые нюансы. Городское общество книголюбов действительно обратилось в «Крокодил» с просьбой помочь в организации выезда группы московских сатириков в Челябинск. Мы пошли навстречу. НО! Ни разу и нигде не фигурировало, что это будет бригада именно крокодильцев, что это будет встреча непременно с представителями редакции. Так что заявляем со всей ответственностью: общая марка «Крокодила» на афишах — чистой воды «самодеятельность» челябинских администраторов. А поскольку первый разговор о поездке проходил в феврале, то до апреля, когда намечался визит москвичей в Челябинск, планы у предварительно давших свое согласие писателей и художников, к сожалению, изменились: один оказался членом международного жюри биеннале на Кубе, другой вылетел в срочную командировку на Камчатку, третий взял творческий отпуск, а четвертый приболел... Срочно пришлось искать замену. Однако челябинские организаторы вечера не информировали об этом общественность (мы сообщили о новых именах за 10 дней до концерта), не извинились, не внесли соответствующие поправки в афиши. (Кстати, непомерно высокую стоимость билетов устанавливали также не в «Крокодиле»...)

Так что простите, уважаемые товарищи из «Челябинского рабочего», свои вилы вы воткнули явно не в тот бок. Думается, этого досадного недоразумения можно было вполне избежать, потрудись сотрудники, готовившие фельетон к печати, снять телефонную трубочку и набрать любой из номеров, указанных в нашем журнале. Междугородный телефон, строго говоря, для подобных целей и предназначен.

Давайте же, коллеги, более ответственно подходить к своим критическим публикациям. Именно потому, что на дворе гласность.

Янис НИКОЛОПУЛОС, греческий журналист

МОЙ ДРУГ ДЖО — ГОД СПУСТЯ

Сценки из жизни совместного предприятия

В «Крокодиле» № 5 за 1988 год были опубликованы мои заметки о «большой биржевой лихорадке» октября 1987 года, которую мне довелось наблюдать с командного поста крупной американской торговой компании из Чикаго. Тогда же я представил читателям журнала руководителя этой компании, моего друга Джо.

Описав мастерские маневры Джо во время финансового шторма, я добавил, что мой друг видит свой долг в том, чтобы как-то помочь процессу разрядки и разоружения, объединяющему две величайшие державы. Движимый этим стремлением, он посетил Вашингтон и Москву, убедился в том, что администрация Рейгана недооценивает серьезность намерений Горбачева и важность его предложений, и предпринял ряд шагов для исправления этой ошибки. В частности, он недвусмысленно продемонстрировал свою готовность внести свой личный вклад в перестройку, создав совместное предприятие с советскими партнерами в области информатики и производства компьютеров.

Новое совместное предприятие, которое я в свое время охарактеризовал как «весьма многообещающее», получило подходящее название «Диалог» и вскоре без особого напряжения заняло ведущее место на советском рынке персональных компьютеров, пока, правда, только формирующемся.

Партнерами Джо являются организации с весьма высокой репутацией: КамАЗ, МГУ, Институт космических исследований и Центральный экономико-математический институт АН СССР, ВДНХ, «Внештехника»... Проблема заключалась изначально вот в чем: прежде чем заводить какой-то разговор о производстве математического обеспечения или узлов для компьютеров, указанным партнерам нужно было самим обзавестись компьютерами, однако они не располагали требуемым количеством конвертируемой валюты. Джо решил эту проблему очень просто: он перевел на счет совместного предприятия пять миллионов долларов.

Каковы результаты эксперимента спустя год после его начала?

«Диалог» превратился в фирму с 50 сотрудниками в своей московской штаб-квартире и еще примерно 600 служащими, преимущественно программистами, сотрудничающими с 10 филиалами предприятия в крупнейших промышленных центрах Советского Союза. «Диалог» получил немалый доход — более 100 миллионов рублей, которые вложил в различные отрасли экономики. Снят большой дом неподалеку от Московской кольцевой автодороги, который сотрудники именуют «Белым домом». Предприятие выглядит удачливым, процветающим, покровительствует науке и искусству, может считаться образцом добропорядочности.

Никаких проблем? Да как вам сказать... Сколько компьютеров получила советская экономика благодаря усилиям «Диалога» за первый год его деятельности? Ответ: 3600.

Второй вопрос. Сколько запланировано на второй год? Ответ: 6000—8000. Наконец: в каком количестве компьютеров срочно нуждается советская экономика? Ответ: примерно в 50 000 000.

Таким образом, нынешний вклад «Диалога» можно считать каплей... у вас принято говорить — в море. По-английски эта идиома выглядит скромнее: «в ведре». Давайте, однако, приглядимся повнимательнее к этой капле, чтобы по крайней мере установить, та ли эта капля, хотим ли мы, чтобы именно такие капли пополняли «ведро» советской экономики...

Будучи тесно связанным с деятельностью «Диалога», я хотел бы предложить вниманию читателей несколько сценок из повседневной жизни совместного предприятия.

* * *

Дом союзов. Колонный зал. С тысячу советских менеджеров важно сидят и сосредоточенно слушают английский баритон, меченный немецким акцентом, перемежающийся русским басом. Все это усилено микрофонами, которые заставляют трепетать сверкающие подвески многочисленных роскошных люстр. Атмосфера торжественно-казенная, хоть показывай по телевидению.

Это — на поверхности. А содержание? Оно на сто процентов западное и жестко коммерческое. Идет семинар фирмы «Микрософт», первого в мире производителя математического обеспечения для персональных компьютеров. Это, короче говоря, реклама.

Может быть, наступит день, когда советская публика сможет воспринимать рекламу без стыдливого прикрытия. Такой семинар — вроде рекламы в парандже.

Впрочем, главное, конечно, не в этом. А в том, что совместное предприятие «Диалог» сумело организовать представительство фирмы «Микрософт» в Советском Союзе. А это, надо сказать, была задача не из легких. Немцы, которые заведуют европейским филиалом «Микрософта», долгое время не верили в возможности советского рынка как такового. Они были убеждены, что советские потребители скорее украдут иностранное матобеспечение путем нелегального копирования, чем согласятся покупать его за деньги. «Диалог» сумел доказать обратное.

Петр Зрелов, генеральный директор «Диалога», приложил руку к созданию современного советского законодательства об авторских правах. Коммерческий «копирайт» уже стал действенной силой на советском рынке. Главный аргумент Зрелова для покупателей: легче и даже дешевле легальным образом приобрести хорошее матобеспечение, подкрепленное надлежащим сервисом крупной специализированной фирмы, чем заниматься самодеятельностью.

Западные немцы из «Микрософта» и их американские руководители тогда и согласились открыть при «Диалоге» московский информационный центр своей фирмы и одновременно передать «Диалогу» по лицензии знаменитую основную программу для персональных компьютеров «MS-DOS». Это обстоятельство можно считать вехой советской управленческой перестройки. Какой размах приобретет сие начинание — зависит от «Диалога».

* * *

«Диалог» вообще из тех совместных предприятий, которые служат каналами для внедрения в советскую экономику лучших методологических достижений современного западного бизнеса. В области кадровой политики, например, тут придерживаются опыта своего американского партнера, чикагской фирмы CRT-MPI. Опыт этот отражает философию президента CRT, являющегося также председателем правления СП «Диалог», Джозефа Ритчи. Она основана на следующей революционной аксиоме: добрый человек в коллективе нередко более ценен, чем хороший специалист. «Диалог» усердно, хотя и не без перегибов, старается держаться этой линии. Правда, здесь можно отметить некоторые странные результаты взаимодействия американских методов и советской действительности. Завербовав более или менее «по-советски» значительное число сотрудников, «Диалог» — после визита из Чикаго рабочей группы отдела кадров CRT — вдруг вроде бы собрался провести жесткую чистку, напоминающую недоброе советское прошлое. Сотрудники некоторое время ходили с валидолом под языком. В конечном итоге так ничего и не произошло, хотя слухи о чистке ходили упорные,— наверное, это тоже вписывается в советскую действительность...

А вот другой пример. «Диалогу» вздумалось обзавестись службой прессы — «паблик рилейшн» по-американски. Здесь опять тяжелое советское прошлое дало себя знать. Иначе как понять статьи вроде той, что появилась в газете «Труд» 18 февраля, где без всякой на то нужды утверждаются небылицы: крупномасштабной сборки персональных компьютеров «Диалогом», о которой с изысканной скромностью упоминает П. Зрелов в интервью корреспонденту газеты, попросту нет и не будет в течение этого года. Да и не надо! Миссия «Диалога» совсем другая: поставка на советский рынок большого количества надежных и не очень дорогих импортных компьютеров с надлежащим матобеспечением и безотказным сервисом. Угождать кому-то, кто, быть может, придет в восторг от идеи «отечественного производства» персональных компьютеров — это, по-моему, не соответствует ни гласности, ни экономической логике перестройки. Если выражение «экономическая логика перестройки» представляется несколько туманным, можно выразиться иначе — «здравый смысл».

* * *

Итак, «Диалогу» — пятерка за «Микрософт», двойка за кадровую политику и двойка — за общение с прессой. Кстати сказать, центральная печать обратила на «Диалог» внимание только тогда, когда он сел в лужу с неким строительным кооперативом, который попросту обманул фирму, забрав крупную сумму на строительство завода и исчезнув. А еще раз — когда к концу года уже сам «Диалог» надул заказчиков, не сумев поставить обещанную аппаратуру. Один из «надутых» в сердцах повесил на совместное предприятие клеймо «Рогов и копыт» в статье «Компьютерный миф», опубликованной в газете «Социалистическая индустрия»...

Конечно, деятельность «Диалога» никоим образом нельзя сравнивать с махинациями времен нэпа, а генерального директора Петра Зрелова — с Остапом Бендером. Времена другие, люди другие. «Диалог» — все-таки солидная международная фирма. Надеюсь, со временем все его начинания достигнут уровня сотрудничества с фирмой «Микрософт».

Юрий БОРИН, специальный корреспондент Крокодила

СМЕХ В ЗАЛЕ

VI Всепольский турнир лгунов

Развеселить человека совсем нетрудно. Достаточно рассказать ему что-нибудь смешное. Самое трудное — придумать это смешное.

А если ничего не придумывать? Если взять кусок жизни и рассказать. Честно, правдиво и ненавязчиво.

Теперь, после такого вступления, сообщу читателям любопытную информацию: 1 апреля с. г. в маленьком шахтерском городке Богатыня (28 тыс. населения), в том углу Польши, который узким клином врезается между ГДР и Чехословакией, состоялся 6-й Всепольский Турнир Лгунов (или лжецов, или врунов — это как кому понравится. По-польски это звучит так: Турней Лгажи).

Не склонный к шуткам читатель может спросить: а почему, собственно, лгунов? Ведь с детства мы твердо усвоили, что врать нехорошо. Еще Цицерон говорил, что лжецу мы не верим даже тогда, когда он говорит правду.

Но Цицерон жил черт знает когда (в I веке до нашей с вами эры), а с тех пор взаимоотношения между ложью и правдой настолько усложнились, что порой и не поймешь, где тут правда, а где ложь. Многие поколения власть имущих до того наловчились говорить народу неправду, что люди больше верят как раз выдумкам, а к правде относятся с недоверием.

Впрочем, название праздника — «Турнир Лгунов» — никого решительно не обманывает: все в Польше знают, что с эстрады будет звучать чистая правда.

Задача жюри (в составе которого был и ваш покорный слуга) была непростой: выдержать натиск остроумия, злободневных и откровенно злых шуток, искрометного юмора и выбрать самого-самого, чтобы увенчать его короной Короля лгунов.

...Король лгунов-88, лодзинский артист (он же автор) Анджей Енджеевский, отчаянно сопротивлялся: все-таки профессионал! Однако молодой житель города Хелмека Рышард Фудала (на снимке) все же взял верх. Одновременно с короной он получил приз в размере 80 тысяч злотых и колоссальный торт, который Фудала с чисто королевской щедростью отдал на съедение организаторам турнира и членам жюри.

Пусть не поражает читателя гигантская сумма приза, врученного при коронации новому «монарху». По официальному курсу на апрель нынешнего года это составляет примерно 380 рублей.

Я специально подчеркиваю — «по курсу на апрель», ибо курс злотого относительно зарубежных валют (даже неконвертируемых) непрерывно меняется. По сообщению газеты «Политика», сегодня в Польше насчитывается 200 мультимиллиардеров (!), а цены на автомобили, например, измеряются в миллионах.

Впрочем, миллионы эти в Польше уже никого не потрясают. В Варшаве автомобили теснят пешеходов не только с проезжей части, но и с тротуаров. Припарковаться в городе стало почти неразрешимой проблемой.

Я не был в Польше ровно десять лет и жадно вглядывался в лица людей, смотрел, как они одеты, заходил в магазины и даже кое-что покупал. Отметил для себя и то, что варшавские магазины (преимущественно частные) забиты товарами, и то, что в продовольственных — несколько сортов колбасы и сосисок, сделанных в отличие от наших из мяса, а не бог знает из чего... Что же касается польских овощей и фруктов, таких яблок, такого лука, морковки, я в наших магазинах не видывал ни разу. Случайный попутчик в поезде рассказал, что его родственники, живущие в Белоруссии, приезжают в Польшу за... картошкой. Смешно?

Кстати, на встрече с пэтэушниками в Богатыне меня спросил подросток:

— Над чем смеется советская молодежь?

Я почти не задумываясь ответил:

— Над тем же, над чем и польская.

А потом добавил, вспомнив слова польского сатирика Станислава Ежи Леца:

— Иногда сатира должна восстанавливать то, что уничтожил пафос.

Богатыня — Москва.

Рышард Фудала, Король лгунов-89.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ СУПРУГОВ ФАЛЬЧАКОВЫХ

Крокодил уже как-то знакомил своих читателей с высказываниями супругов Фальчаковых, которым регулярно предоставляет место на своей «развлекательной» странице краковский еженедельник «Пшекруй».

За время, прошедшее с первого знакомства, Фальчаковы не сидели в рот воды набрав. Кое-какие из их новых высказываний могут развлечь и наших читателей.

Чтобы кто-нибудь стал нам завидовать, нужно сперва основательно потрудиться.

Борьба с алкоголизмом в конце концов приведет к тому, что мы будем чокаться бутербродами.

Ничто так не экономит время и деньги, как любовь с первого взгляда.

В молодости нас заботит, что́ о нас думают.
В зрелом возрасте нам безразлично, что о нас думают.
И только в старости мы обнаруживаем, что о нас вообще никто не думает.

Фальчак мечтает уйти на пенсию, чтобы иметь возможность закончить книжку.
— Ты пишешь книжку? — удивились друзья.
— Нет, я ее читаю.

Перевел **Н. ЛАБКОВСКИЙ.**

Йордан ПОПОВ (Болгария)

Из цикла «Встречи с Ралевым»

РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТЬ

Ралев с удовольствием вспоминает те три месяца, которые он провел на ответственной службе. Одетый в темный костюм, со скорбным выражением лица, Ралев звонил в дверь и, когда ему открывали, приглушенным голосом говорил:

— Здравствуйте. Прошу вас сохранять самообладание и полное присутствие духа при тех словах, которые я вам скажу. Жизнь сурова, и мы должны стойко переносить ее удары...

И когда испуганные и побледневшие хозяева слышали следующее: «Я фининспектор. У вас задолженность по квартплате — тридцать два лева и семнадцать стотинок»,— они бегом и с радостью на лице приносили деньги.

С другими же инспекторами они препирались и оспаривали счета до посинения.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ЗАБОЛЕВАНИЯ

Когда речь зашла о профессиональных заболеваниях, свой пример привел и Ралев:

— Я знаю одного бывшего ответственного работника, который за долгие годы на своей службе получил тик на левый глаз. С кем бы ни говорил — ревизором или приятелем,— он непрестанно подмигивал левым глазом. Некоторые из его собеседников потом оказались за решеткой... В суде, разумеется, он тоже подмигивал.

Сейчас этот человек на пенсии, всеми уважаемый активист. Вот только на собраниях его просят садиться подальше, потому что своим постоянным подмигиванием он однажды так смутил оратора, что тот в продолжение всех полутора часов заикался и пытался в чем-то оправдаться.

Ралев закончил:

— Неуверенность также может послужить причиной профессионального заболевания оратора.

ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА

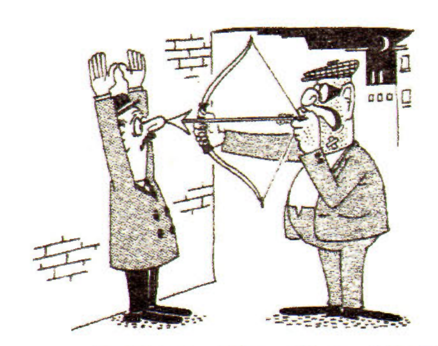
Когда одного человека расхваливали за то, что у него слова не расходятся с делом, ни с того ни с сего подал голос Ралев:

— Единство между словом и делом может быть и недостатком. Есть люди, которые не только говорят глупости, но еще их и совершают.

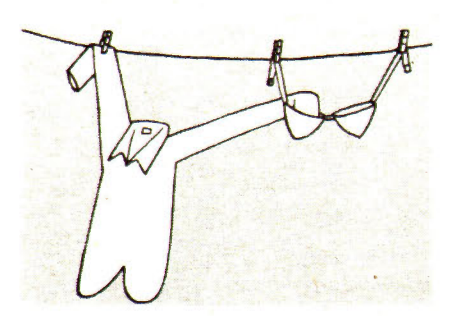
Перевел **Игорь ИЛИНГИН.**

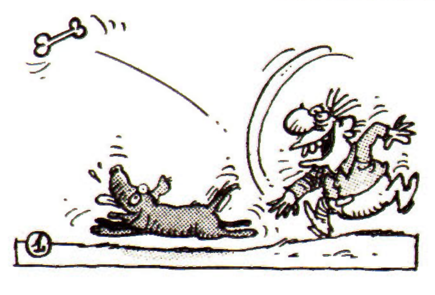
«Дикобраз», Чехословакия.

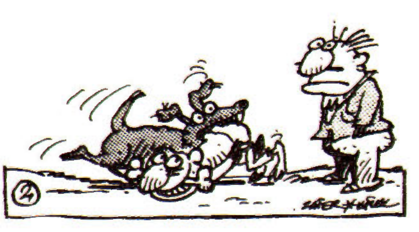

— Простите, сэр, но я коплю деньги на покупку револьвера...
«Биллед-бладет», Дания.

«Паланте», Куба.

«Гир-гир», Турция.

ВИНЬЯНС АЛЬФОНСО (Куба)

В ПАУЗАХ — ЦЕЛОВАТЬСЯ!

Сейчас курить не модно. Курящий человек похож на провинциала, отставшего от моды по крайней мере на пять лет.

Вот совсем новый научный метод, который при строгом его соблюдении может наверняка избавить вас от привычки, сжигающей и здоровье, и деньги. Автор этого метода, многоуважаемый японский ученый Такемаито, досконально изучил навыки тысяч курильщиков и в настоящий момент является также подлинным специалистом во всем, что касается растения, известного под названием «Никотина табакум лошаде капута», и его серийных производных: «Кент», «Мальборо», «Памир», «Данхилл» и др., и пр.

В основе метода вышеупомянутого ученого лежат выводы, носящие принципиальный характер: в течение суток бывают моменты, когда самый заядлый курильщик не берется за сигарету. Вот они:

1. Когда он спит. *(Храп со свистом не возбраняется, так как курить с открытым ртом неудобно.)*
2. Когда он моется в душе.
3. Когда ест *(тут бывают исключения)*.
4. Когда сидит в приличном кинотеатре.
5. Когда целуется.

Исходя из этого, Такемаито составил распорядок дня для тех, кто хочет бросить курить. Вот он:

С полуночи до полудня глубокий сон. Храп желателен.

С двенадцати до двух — водные процедуры, полоскания. К воде, обогащенной кислородом, можно добавлять по желанию мед, лимон, тоник, виски, джин, пиво или касторку. Это зависит от того, какую полоскательную процедуру вы выберете.

С двух до трех — легкий ленч. И никаких пауз в приеме пищи!

После этого до шести часов опять водные процедуры — либо баня с бассейном, либо *(в зависимости от климата и географии)* подводная охота. Охотиться лучше на мелких и средних рыбешек — пескарей, бельдюг, тюлек, — чтобы не нервничать и не возбуждаться.

С шести до восьми неторопливый ужин с разнообразными закусками, мороженым, десертом и прочей ерундой.

С восьми до десяти посещение кинотеатра.

Оставшиеся два часа самые трудные. Но творческий гений Такемаито сумел разрешить и эту задачу.

Он изобрел синтетическое повидло «Ых № 3», одна порция которого так склеивает зубы, что самые ловкие из пациентов, задействуя весь свой челюстно-кусательно-глотательный аппарат, расходуют на одну порцию повидла не менее двух часов, после чего начинается цикл долгого сна.

В паузах указанного режима, перерывах, непредвиденных ожиданиях (в очереди за подводным ружьем или билетом в кинотеатр) средство одно — целоваться, целоваться, целоваться...

Перевел **Игорь ХОМИЛИН.**

●

Не зная, что подарить дочери в день рождения, ее отец решил посоветоваться со своей матерью:
— Мам, если бы тебе стукнуло 16, чего бы тебе хотелось?
— Больше ничего!

●

На любительском спектакле. На сцене почти все действующие лица.
— Убита злыми языками,— в третий раз и чуть не во весь голос подает реплику потерявший терпение суфлер.
— Да мы знаем слова, но не знаем, кому их говорить,— не менее громко отвечают со сцены.

●

— Так зачем Ной взял в свой ковчег всякой твари по паре? — спрашивает учительница гимназии на уроке библейской истории в младшем классе.
— Я думаю, потому, что не надеялся на аиста,— сказал маленький Эдгар после долгого молчания.

●

Два тигра беседуют в клетке:
— Послушай, вон идет та дама, которая всегда приносит нам по куску сырого мяса. Не пойму только, зачем она кладет возле тебя букет цветов?
— А она была замужем за тем чудаком, которого я съел месяц назад...

●

— Я ужасно беспокоюсь,— говорит один подросток другому.— Отец надрывается на работе, чтобы я ни в чем не нуждался и поступил в университет. Мать целыми днями занята уборкой, стиркой и глажкой моих вещей, не отходит от меня, когда я болею...
— Так чего же ты беспокоишься?
— Боюсь, как бы они не попытались сбежать!

●

Муж жене, надевая выходной костюм:
— Да пойми же ты, Герда! Ведь я назначил Карин сегодняшнее свидание еще за несколько месяцев до нашей свадьбы...

●

— Я же просил вас разбудить меня в пять утра, а сейчас уже семь, и мой поезд давно ушел!
— Я действительно хотел разбудить вас в пять утра, но вы же вернулись в гостиницу только в половине шестого...

●

Гуннар отправился знакомиться с родителями невесты.
— Ну, как все прошло? — спросила его по возвращении мать.
— Знаешь, по-моему, я им понравился. Ее отец три раза предлагал отвезти меня домой!

Из журналов «Биллед-бладет», Дания, и «Ви», Швеция.

Жан-Поль БЕЛЬМОНДО

Телесюжет о прилете в Москву Жана-Поля Бельмондо был отгощен приписской. Камера радостно спанорамировала на воздушные ворота нашей Родины — Шереметьево-2, тогда как утлый летательный аппарат, самолетик по имени «Пчела», с актером в чреве совершил посадку совсем наоборот — в Шереметьеве-1. Чрево исторгнуло: самого Бельмондо в нездешнем загаре и светло-коричневой, в тон, кожаной куртке, режиссера Клода Лелюша в сером пыльнике, а также друга Жана-Поля, крупного французского бизнесмена, и немногочисленную свиту, включавшую гримера, телохранителя и пресс-агента.

— С ума сойти! Ведь ему уже за сорок,— послышалось из хорошо информированных источников, оккупировавших депутатский зал аэропорта.

Настолько, товарищи, за сорок, что уже пятьдесят шесть.

И все эти годы нога Бельмондо не ступала на шестую часть Земли.

Тут в исторически сжатые сроки актер открыл премьеру фильма Лелюша «Баловень судьбы» (в главной роли — сами понимаете, кто), сходил в Кремль и в цирк, дал пресс-конференцию, перемахнул в Ленинград... График был настолько плотный, что Бельмондо даже не пустил своего гримера в московский магазин «Гавана», где несчастный художник лица хотел разжиться ящичком сигар. А в обязательные для физических упражнений минуты делал «угол» на лестничных перилах — для экономии времени.

Но на вопросы журналистов отвечал исправно, хотя некоторые из них и оказались для него из категории головоломных.

— Как вы оцениваете фигуры Сталина, Брежнева и Горбачева?

— Я с 18 лет в театре и более 30 лет в кино, а политикой не занимаюсь.

— А как относитесь к Арафату, учитывая, что вы родились в Алжире?

— Я учитываю, что родился в 14-м квартале Парижа.

Видимо, в благодарность за доброе отношение и руководствуясь благородным побуждением улучшить артисту анкету, одна московская газета сделала вдовца Бельмондо женатым человеком, написав, что именно жена поддержала горячо и искренне идею поездки в Советский Союз.

Не упустил своего шанса задать пару вопросов актеру и «Крокодил»:

— Принято считать, что юмор имеет национальную окраску. Не могли бы вы снабдить советский юмористический журнал вашим собственным определением «французского юмора»?

Дружеский шарж К. КОЖУХОВА (Карагандинская обл.)

— Для француза юмор это прежде всего умение смеяться над самим собой. Чем драматичнее ситуация, тем больше потребность в юморе, в смехе. В основном наш юмор именно на этом строится.

— А не могли бы вы привести какие-нибудь примеры из вашей жизни?

— Ну, мое чувство юмора, быть может, нетипично... Не буду говорить от имени всех французов, а то расскажу что-то совсем не смешное, а вы подумаете: вот так юмор у французов!

Вообще в моей жизни немало было чисто фарсовых ситуаций. Люблю розыгрыши и мистификации. Например, когда на съемках или во время театральных турне мы с друзьями живем в отелях — а это бывают серьезные, чопорные заведения,— любим среди ночи самовольно переезжать из комнаты в комнату. Зачем? Так, повеселиться.

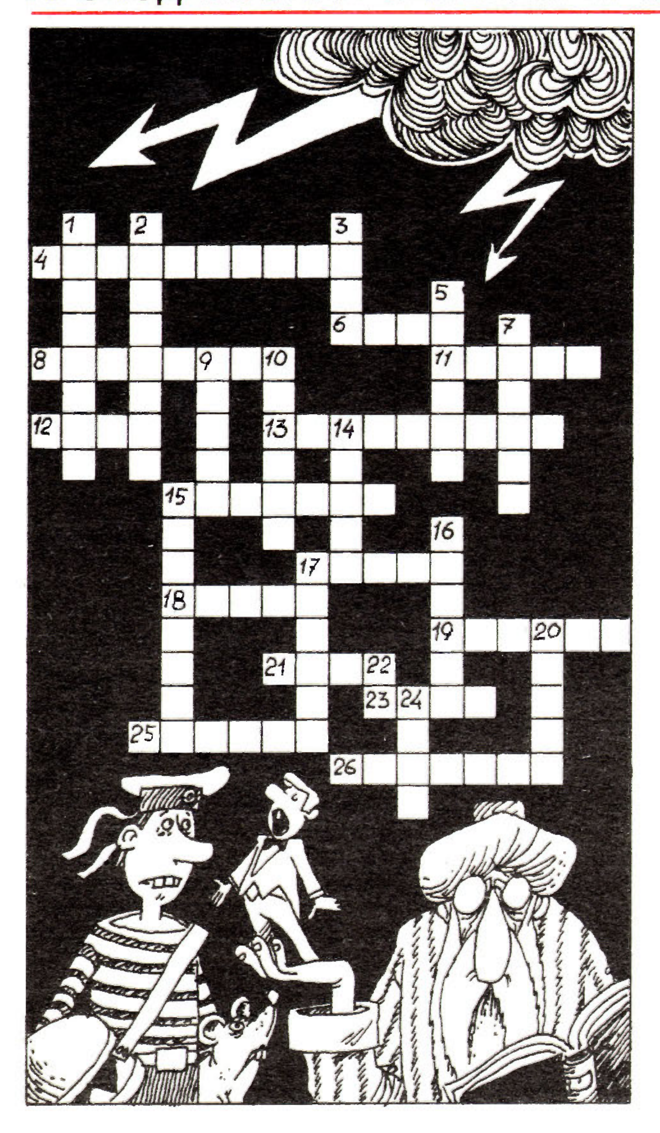
Вообще здесь, в СССР, в окружении людей, которые, кажется, меня любят, очень трудно за несколько секунд придумать и сказать что-нибудь смешное. Хотя юмор — как самолет на взлетной полосе, юмор — это что-то мгновенное. Как наша жизнь: еще вчера я смотрел представление с Фрэнком Синатрой и Лайзой Минелли, а сегодня я здесь, в СССР, и меня тут принимают, будто я тоже какая-то «звезда».

— Сегодня у нас в стране многие деятели искусства, в том числе и режиссеры, и актеры, активно занялись политикой. Некоторые из них избраны в наш новый парламент. А как обстоит с этим дело во Франции?

— Во Франции нет актеров-депутатов. Есть, правда, актеры, которые занимаются политикой. Но я ею никогда не занимался и не буду. Моя единственная политика — развлекать людей, заставлять их смеяться или плакать. Думаю, моя земная миссия именно в этом. Если бы у меня были какие-то серьезные политические идеи, я бы не смог быть актером. Тут уж надо выбирать. Но, думаю, быть актером гораздо интереснее. Надо сказать, что во Франции многие политики хотят видеть имена актеров в числе своих избирателей. Я никогда не разрешал этого делать с собой и вообще к таким политикам отношусь с сомнением. Если они в погоне за популярностью прибегают к таким фокусам, возможно, у них что-то дурное в голове?

Г. МЕЙЗЕРОВ,
Л. ФЛОРЕНТЬЕВ.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ВЕСЕЛЫЙ КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Юный земноводник. 6. Партия одиночек *(муз.)*. 8. Материал, который часто совсем другой. 11. Грубошлеп. 12. Массовый прикол *(мореходн.)*. 13. Нательная чересполосица. 15. Дробовик *(муз.)*. 17. Наушник для простаков. 18. Пешка, доведенная до крайности. 19. Ячейка детсадовского общества 21. Железная уравниловка *(домоводческ.)*. 23. Победная реляция. 25. Умник, довольствующийся простотой *(островск.)*. 26. Знак внимания в один присест.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Улицезреющий *(правоохр.)* 2. Бумага на засыпку *(карнавальн.)*. 3. Гнусное воздействие *(таежн.)*. 5. Древесный подводник. 7. Зуб на зуб. 9. Первый корабельный бегун. 10. Мероприятие, отработанное как следует. 14. Тропический плетень. 15. Тупоконечный остров *(свифтовск.)*. 16. Речь части *(лингв.)*. 17. Человек, выдающий нежелаемое за действительное. 20. Верховный громила *(древнеславянск.)*. 22. Сомнительное междометие. 24. Ни головы, ни ножек.

Составил Р. ПЕТРОВ.

ОТВЕТЫ НА КВК, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 17

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Инструкция. 7. Ум. 8. Ветеринар. 9. Фонарь. 10. Рог. 12. Пироги. 13. Скандал. 15. Яблоки. 16. Парнишa. 19. Платеж. 20. Макар. 23. Цейтнот. 21. Носильщик. 26. Потолок. 28. Пряник. 29. Коляска.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Стипендия. 2. Экслибрис. 3. Диван. 5. Кузька. 6. Метролог. 11. Гриб. 14. Кукушка. 16. Петушок. 17. Король. 18. Пластилин. 21. Серия. 22. Корона. 25. Колобок. 27. Компас.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Объявление
Администрация имеет честь сообщить
в городе Щекино открылось отделение частных
сыщиков. Сыщики занимаются кражами собственного
имущества
Обращаться по адресу
301 200
г. Щекино, д. 13, ул. Советская, кв 52.
Нахомину Алексею Викторовичу.
Администрация

Прислал А. Янежич, г. Щекино.

«СПРАВКА
дана Олексюк Александру Ивановичу 1969 г. в том, что он (она) проживает в г. Мелитополе по ул. Гагарина, дом 3, кв. 306.

На иждивении находятся дети:
1. Отец Олексюк Иван Петрович 1935 г.
2. Мать Олексюк Елена Константиновна 1937 г.».
(Справка выдана ЖЭУ-7).

Прислал И. Олексюк, г. Мелитополь.

«Лыжи и прокладки проверяют на воспламеняемость стрельбой по технической документации, утвержденной в установленном порядке».

(Из инструкции).
Прислал В. Задорожный, г. Краснодар.

«Объявить выговор за ослабление контроля над подчиненными, непринятие мер по наведению должного порядка в соблюдении внутреннего трудового беспорядка».

(Из приказа).
Прислала Ю. Золотарева, г. Ленинград.

«Примером перехода от одностороннего резания к реверсивному может служить применение правых резцов для левых работ».

(Из брошюры «Прогрессивные технологические процессы в машиностроении», издана ВНИИТЭМР Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР).
Прислали В. Михайлов, И. Парфенов, г. Оренбург.

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

КАК У НАС В САДОЧКЕ...

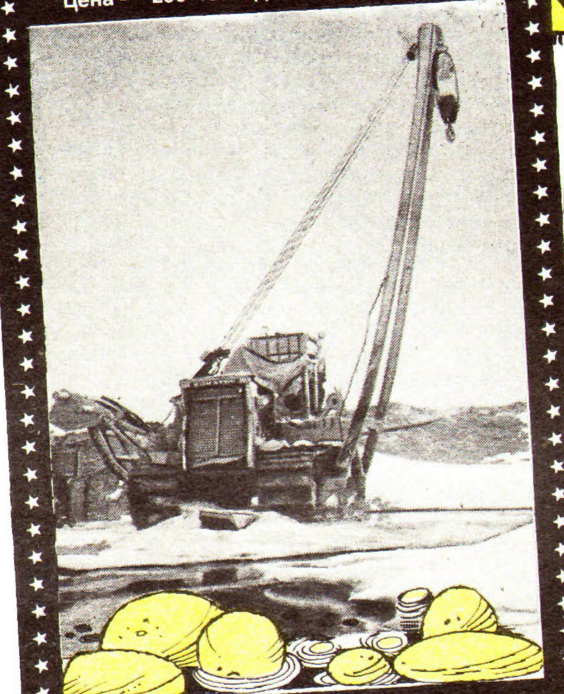
Японский «Сад камней» — рукотворный уголок неживой природы, влекущий философов и эстетов.

Ямбургский «Сад трубоукладчика» тоже рукотворный уголок неживой природы, влекущий, однако, неопознанных любителей «раскулачивать» брошенную технику японской фирмы «Каматцу».

Творец «Сада трубоукладчика», пишет тюменец В. ХЛЫБОВ, ПО «Сибгазкомплектмонтаж».

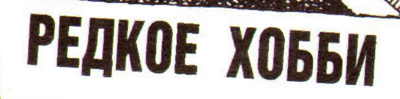
Время создания — сентябрь 1987 г.

Цена — 250 тыс. долларов.

ОТ СОЛНЕЧНОГО УДАРА

надежно защищает жителей Феодосии и курортни-
ков широкая сеть промышленных предприятий.
Во-первых, устойчиво дымят 50 малых котель-
ных. Во-вторых, хорошо чадят литейный цех на
улице Горького и горячие цехи механического за-
вода рядом с мясокомбинатом. В-третьих, у само-
го моря благоухают два асфальтобетонных завода,
а вдоль пляжей непрерывно снуют тепловозы. На-
конец, концентрацию солей в черноморской воде
надежно регулируют прямые ливневые стоки
с улиц Московской, Революционной, Галерейной
и Войкова. Об этих достопримечательностях ку-
рортной жемчужины Крыма нам сообщил инже-
нер-дорожник Э. АЛЬПЕРТ.

РЕДКОЕ ХОББИ

У жителя латвийского города Резекне С. СОЛОВЬЕВА. Перед очередной заваркой отечественного чая он водружает очки на нос, берет пинцет и начинает извлекать из высыпанной на белый лист бумаги чайной порции соринку за соринкой, веточку за веточкой. Это несуетливое занятие успокаивает нервную систему значительно эффективнее, чем медитация или упражнения йоги. А главное — чай становится вкуснее. Товарищ Соловьев ищет единомышленников и готов обмениваться с ними редкими соринками из своей богатейшей коллекции.

КОГДА У ВАС НЕ ЛАДЯТСЯ ДЕЛА

и линия судьбы проходит косо, не надо колотить в колокола, не надо только вешать носа, а надо объявить о создании очередного Фонда.

Так и поступили свердловские метростроевцы. Не утруждаясь выпуском акций, выгодных и организации, и населению, они прибегли к самому простому способу выжимания живых денег: объявили о создании Фонда помощи самим себе. Цель достигнута: финансирование метро в руках будущих пассажиров.

А для контроля за пополнением нового Фонда создана комиссия в составе второго секретаря горкома партии В. Иванова, вторых секретарей городских райкомов и председателей райисполкомов.

Нельзя сказать, пишет Н. ТУШОВ, что эта инициатива воспринимается с восторгом. Возможно, на очереди создание Фонда милосердия к канализации и водопроводу, которые в городе явно не в порядке.

МИРНАЯ ИНИЦИАТИВА

Приколотненского кирпичного завода из Харьковской области должна быть широко подхвачена!» — считают студенты Харьковского инженерно-строительного института. Работая летом в строительном отряде, будущие специалисты убедились, что из приколотненского кирпича ни крепости, ни тем более дота не построишь. Студенты обратились ко всем странам НАТО с предложением начать выпуск безобидного саморассыпающегося кирпича. «Непрочные крепости — гарантия прочного мира на планете!» — говорится в обращении.

НОВОЕ В СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ

открыла для себя пенсионерка из Хабаровского края М. ЕЩЕНКО, приобретя Женский календарь, выпущенный Политиздатом и отпечатанный с матриц в типографии издательства «Звезда» в г. Перми.

Оказывается, в 1989 году число месяцев увеличилось до 14. Теперь стало два февраля и два марта. Правда, один из мартов урезан до 30 дней.

В связи с вышеуказанным тов. Ещенко спрашивает: будет ли выплачиваться дополнительная пенсия за два не предусмотренных ранее месяца?

КАК ПОВЫСИТЬ РЕНТАБЕЛЬНОСТЬ АВТОТРАНСПОРТА,

не сокращая управленческий аппарат, не повышая производительности труда и качества ремонта, не улучшая режим работы автобусов?

ПЕРЕНИМАЙТЕ ОПЫТ

руководителей автоколонны 1440 (г. Орджоникидзе, Северо-Осетинской АССР). Там переименовали ряд маршрутных автобусов в экспрессы и стали взимать с пассажиров вместо пятака 20 копеек.

Таким образом, как сообщает нам З. КАЙТУКОВ, убиты сразу два зайца: уменьшена автобусная давка, так как «лишние» пассажиры томятся на промежуточных остановках, и вчетверо увеличилась выручка за счет счастливчиков, которые вынуждены ехать «от конца до конца».

РЕКЛАМА? РЕКЛАМА? РЕКЛАМА?

Оформление В. УБОРЕВИЧА-БОРОВСКОГО.

30 коп. Индекс 70448.